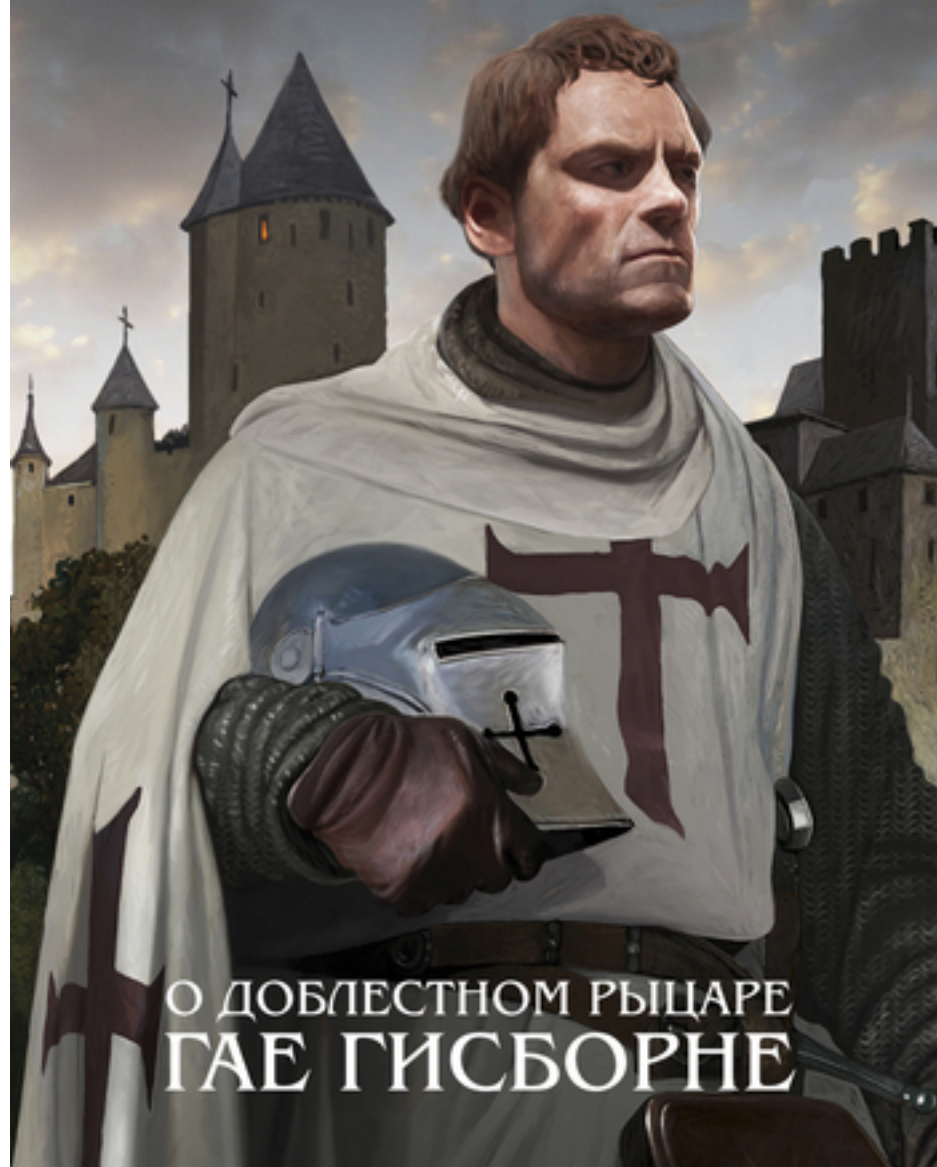

ЮРИИ НИКИТИН

О ДОБЛЕСТНОМ РЫЦАРЕ
ГАЕ ГИСБОРНЕ

Юрий Никитин

**О доблестном
рыцаре Гае Гисборне**

«ЭКСМО»

2011

Никитин Ю. А.

О доблестном рыцаре Гае Гисборне / Ю. А. Никитин — «Эксмо»,
2011

ISBN 978-5-699-52430-3

В этом романе впервые показано на одном из самых известных примеров в истории, как было на самом деле и как должно быть в здоровом развивающемся обществе, устремленном к прогрессу. К счастью, в данном случае то и другое полностью совпадает. Хорошо бы каждого воспевающего пиратов, что грабили торговые и пассажирские суда и топили их вместе со всем экипажем, привлекать к суду. То же самое относится и к создателям бесчисленных фильмов и компьютерных игр о Робин Гуде, который грабил всех и каждого, проезжающего через Шервудский лес, и даже убил шерифа, как об этом с восторгом поют в балладах и взахлеб расписывают в нынешних сериалах. И вообще на каторжные работы всех, кто воспекает уголовников и братков, в каком бы времени те ни обретались. Мы идем в будущее! Зачем нам эта грязь на подошвах? Автор

ISBN 978-5-699-52430-3

© Никитин Ю. А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Предисловие	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	34
Глава 9	38
Глава 10	42
Глава 11	47
Глава 12	52
Глава 13	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Юрий Никитин

О доблестном рыцаре Гае Гисборне

*Благодарность Лео Мулену за его энциклопедический труд
«Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы (X–
XV вв.)», откуда я почерпнул так много нового и ценного.*

Предисловие

Этот роман отношу, как ни покажется кому-то странным, к трансгуманистичным. Устремленным к упорядоченности и сингулярности по целому ряду показателей. В нем впервые показано на одном из самых известных примеров в истории, и как было на самом деле, и как должно быть в здоровом развивающемся обществе, устремленном к прогрессу. К счастью, в данном случае то и другое полностью совпадает.

Полагаю, пришло время наконец-то сделать шаг в цивилизованное будущее на самом деле, а не на словах, а это значит – отказаться от воспевания в книгах, кино, играх и где бы то ни было разбойников, пиратов, киллеров, вампиров и прочей дряни, что всегда были грязью, преступниками и отбросами общества, тормозящими прогресс.

Да, мы понимаем, подобное выпускается для бунтующих подростков-недоумков, ведь на детях и дураках зарабатывать удобнее и проще всего, но все-таки пора с этим заканчивать, как с той же детской порнографией. Пошло же в обществе очищающее наступление на пьющих, курящих, не желающих мыть уши, машину, грубо нарушающих правила на дорогах...

Хорошо бы каждого, воспевающего пиратов, что грабили торговые и пассажирские суда и топили их вместе со всем экипажем, дабы не было свидетелей, привлекать к суду. То же самое относится и к создателям бесчисленных фильмов, сериалов и компьютерных игр о Робине Гуде, который грабил всех и каждого, проезжающих через Шервудский лес, и даже убил шерифа, как об этом с восторгом поют в балладах и взахлеб расписывают в нынешних сериалах.

И вообще – на каторжные работы всех, кто воспекает уголовников и братков, в каком бы времени те ни обретались.

Мы идем в будущее! Зачем нам эта грязь на подошвах?

Надеюсь, вы не из нового поколения, а из самого нового.

Часть I

Глава 1

Хроники пишут, что белка может пересечь Англию от северного берега и до южного, не спускаясь на землю, а также с востока и на запад, но и здесь, во Франции, Гай Гисборн понял, что и в этих краях миром правит пока что лес, а свободные от него пространства выглядят крохотными проплешинами на огромном зеленом ковре, накрывшем Европу.

Пашни с аккуратными домиками окружены густыми дремучими лесами везде и всюду, замки высятся на вершинах холмов, компактные и устремленные вверх, башенки так и вовсе тянутся в небо, чтобы из-под крыши можно было смотреть поверх деревьев. Дороги вынужденно идут через мрачные чащи, и когда видишь впереди упавшее дерево, что загородило дорогу, на всякий случай закрываешься щитом и готовишься отражать нападение либо противника, либо лесных разбойников.

Отряд из пятнадцати человек, где Гай Гисборн единственный рыцарь, остальные – ратники и лучники, седьмые сутки шел через леса, питаясь дичью, ягодами, грибами и корешками.

На восьмые самый легконогий из них, Сэм, что всегда идет впереди с луком наготове, заорал ликующе:

– Деревня!.. Клянусь, вон там деревня!

Хайдун, самый могучий из отряда, не расстающийся и теперь с доспехами, снятыми с германского лорда, прошипел лютю:

– Тихо, дурак!.. Услышат – удавлю своими руками!

– Далеко еще, – заверил Сэм, – смотрите, целых семь домов!..

Остальные подтянулись, долго наблюдали за домами и ничего не подозревающими деревенскими жителями. Когда-то здесь осушили участок болота, потом чуть оттеснили сами деревья, теперь здесь пашни, огороды, на краю болота пасутся козы, хрюкают в загородке свиньи, доносится квохтанье кур, звонко прокричал петух...

Все поглядывали на Гая, он и раньше командовал большими отрядами в боях с сарацинами и почти из любого боя выходил, сохранив жизни большинства своих людей.

– Сперва окружить, – велел он негромко. – Вон там видна дорога в лес... Хайдун, с двумя лучниками встанешь там. Ни один не должен ускользнуть!

Он сказал это и сам сжался от стыда, это же обычная французская деревня, а не расположившийся на отдых отряд сарацин.

Хайдун прогудел сбоку:

– Сэм и Нил – за мной!

Гай отправил еще шестерых, чтобы перекрыли возможные пути бегства, а сам, выждав нужное время, вышел из-за деревьев и направился к домам.

Их заметили не сразу, а потом раздался испуганный женский крик, люди застыли на минуту, настороженно наблюдая за чужаками, потом начали разбегаться по домам. Слышно было, как гремят засовы, лязгают запоры, кто-то даже придвинул, судя по скрипу и пыхтению, что-то тяжелое к дверям.

Рядом с Гаем ровно шагает Армстронг, могучий здоровяк из северных областей Англии, где идут постоянные стычки с шотландскими лордами, но там драться ему показалось скучно и обыденно, вот и отправился в Крестовый поход в жаркую пустынную Палестину, где странные звери и чудные народы.

– Заперлись, – проговорил он довольно, – это хорошо... Не люблю, когда разбегаются.

Я тоже, сказал Гай молча. Когда разбегаются, не всегда удается остановить иначе как стрелой. Английские лучники – лучшие в мире, а с ним возвращаются лучшие из лучших, кости остальных засыпают раскаленные пески Святой Земли. Эти, уцелевшие, не промахиваются.

Они вышли на середину улицы, Гай прокричал громко:

– Мы ничего вам не сделаем!.. Мы крестоносцы, возвращаемся домой!.. И хотя наши государи не дружат, но мы с вами не воюем!..

В домах оставалось тихо, хотя он видел, как подрагивают занавески. Армстронг пошел к колодцу и, вытащив ведро с водой, жадно припал к нему, как умирающий от жажды конь.

Двое из отряда, не дождавшись, чтобы кто-то вышел, развернулись на куриное квохтанье и почти одновременно выпустили стрелы. Послышался истошный куриный крик, стрелки захохотали и выпустили еще по две стрелы, и каждый раз слышно было, как бьется о землю подстреленная птица.

Потом они развели огонь посреди улицы и жарили на вертелах уже почищенных и выпотрошенных кур. Впрочем, все у костра сели так, чтобы никто не подобрался незамеченным, и при кажущейся беспечности каждый видел, что за ними постоянно следят десятки пар глаз.

Наконец, после долгого ожидания, из крайнего дома вышел старик, двинулся к ним, едва передвигая ноги.

Армстронг сказал ему навстречу насмешливо:

– Дед, ты бы лучше дочку, а еще лучше – внучку прислал! Мы бы с ней быстрее обо всем договорились.

Старик остановился, лицо непонимающее, а Гай, который владел французским так же, как и английским, сказал приветливо:

– Садись, старик, раздели с нами ужин. Прости, что без спросу, но вы сами спрятались, а мы очень уж оголодали...

Старик чуть приободрился, слыша родную речь, поклонился и сказал дребезжащим голосом:

– Берите, что хотите, только оставьте нам жизни и не бесчестите наших женщин...

Гай сказал с неловкостью:

– Нам нужно совсем немного, а бесчестить никого не собираемся. Переведем у вас дух на сутки... может, на двое, а потом отправимся дальше. Не бойтесь нас.

Армстронг заметил с блудливой улыбкой:

– Зачем же бесчестить? Я слышал, француженки весьма легки на такие дела...

Гай спросил благожелательно:

– Неужели будете сидеть, запершись, сутки или двое? Пусть выходят. Опять же, утром надо скот выгонять на пастбище, воду брать из колодца... Да и вообще... если бы мы хотели, неужели не смогли бы выломать двери в любом доме?

Старик постоял, послушал, лицо древнее и пожеванное, словно старая одежда, пролежавшая сто лет в сундуке, глаза совсем выцветшие от старости, такому в самом деле помирать не страшно, еще раз поклонился и сказал слабо:

– Я передам ваши слова, господин.

Он повернулся с трудом, слышно, как жутко скрипят суставы (у телеги с несмазанными колесами, что везет тяжелый груз на гору, и то тише), тяжело пошел вдоль домов, едва передвигая ноги.

У каждого дома он останавливался и что-то говорил у окна с закрытыми ставнями, но Гай уже смотрел на могучую фигуру Хайдуна, за которым дружно топают его верные соратники Сэм и Нил, луки за спиной, морды довольные.

Хайдун опустился рядом, быстро зыркнул по сторонам.

– Всего один, – шепнул он. – Жаль, совсем мальчишка. Видимо, послали за подмогой. Или поднять тревогу в других селах.

– Где он сейчас? – спросил Гай тоже шепотом.

– Отнесли подальше в чашу, – объяснил Хайдун. – В овраге забросали ветками, никто не увидит.

– Да мы и не собираемся никого выпускать, – ответил Гай. – О мальчишке молчи. Пусть думают, что добежит и приведет помощь.

– Пока ждут и надеются, – сказал Хайдун понимающе, – не будут разбегаться? Это хорошо, будут сидеть тихо.

– А мы тем временем уйдем, – пояснил Гай.

– Ты прав, командир, – сказал Хайдун с одобрением. – Незачем народ волновать...

– Командир всегда прав, – заметил Сэм. – Ну, давайте начнем?.. А то у меня живот к спине присох!

– А у меня все еще сарацинский песок в желудке, – буркнул Нил.

– Еще не дожарились, – пояснил Гай.

– Да я и сырую сожру! – заверил Сэм.

Гай присматривал за порядком, удерживая, чтобы не ринулись вышибать двери, а за это время лучники, не удержавшись, подстрелили еще трех толстых гусей, быстро выпотрошили и тоже взялись жарить там же на костре посреди улицы.

Солнце перешло на другую сторону неба, Гай сказал негромко:

– Армстронг, отправь двоих на ту же тропу. Так, на всякий случай.

– Думаете, кто-то попробует еще за помощью?

– Или решит просто сбежать, – пояснил Гай. – Здесь понимают, можем и сорваться.

– Ладно, – сказал Армстронг, – буду менять их через каждые три часа.

Лучники ушли вроде бы шарить по сараям, затем задами вышли к лесу и приготовились сторожить тропу.

Солнце опускалось медленно и величественно, в небе громоздились пылающие горы, где разверзлись исполинские бездны огненных пещер. Гай смотрел с трепетом в душе, ничего подобного не видел в Англии, где небо всегда затянуто низкими и плотными тучами, где даже солнце видишь два-три раза в году.

Со стороны болота начало приближаться стадо коров, все упитанные, у каждой отвисающее до земли, разбухшее молоком вымя. Следом мальчишка-пастушонок, испуганный и ничего не понимающий, Гай послал Хайдена и Армстронга встать между коровами и веселящимися лучниками, чтобы ни у кого не было соблазна подстрелить еще и корову, и вообще чтоб оставались у костра, пока коровы не разбредутся по домам.

Измученные долгими блужданиями по бесконечному лесу, люди заснули у костра, а Гай долго сидел, прислушивался к затихающим крикам птиц, потом слушал, как в ночном воздухе солидно гудят майские жуки, раздавался смачный хруст, летучие мыши ловят их достаточно умело...

В полночь послышался далекий женский крик, но как Гай ни прислушивался, везде снова тихо, решил, что спросонья вскрикнула какая-то птица.

Армстронг приподнялся, взглянул на него с некоторой тревогой.

– Что-то случилось, мой лорд?

Гай пробормотал:

– Послышалось что-то...

– Я ничего не слышу, – сказал Армстронг.

– Теперь и я не слышу, – ответил Гай. – Ладно, немного вздремну. Потом разбуди, сменю.

– Вы и так меньше всех спите, – сказал Армстронг с грубоватой лаской. – Спите, здесь все спокойно.

Глава 2

Утром оба дозорных лучника вернулись уже навеселе, за ними шел Хайдун и пинками катил перед собой бочонок. До Гая донеслось знакомое хлюпанье.

– Мой лорд! – крикнул Хайдун весело. – Просто великолепное вино!.. В нем все солнце Южной Франции, вы не сможете оторваться!

– Посмотрим, – буркнул Гай. – Чей погреб разгромили?.. Ладно, это не важно... Где Сэм и Нил?.. Они давно должны были вернуться...

– Уже освободились, – объяснил Хайдун с широкой улыбкой. – Но задержались объяснить сменщикам, как обращаться с добычей.

Гай насторожился.

– Что за добыча?

Хайдун заулыбался уже во весь рот, но голос сделал тише:

– Какая-то молодая дура решила ночью удрать из деревни. Видимо, опасалась наших жадных лап... В общем, схватили ее, а чтобы не орала, заткнули рот и привязали к дереву. Потом, правда, привязали поудобнее на земле. Ну, как обычно, руки в разные стороны к вбитым в землю колышкам, ноги тоже врозь... Ребята потешились вволю, теперь там смена трудится, ха-ха!..

Гай поморщился.

– Не стоило обижать местное население. Сейчас король Ричард с королем Филиппом вроде бы уже не воюет...

Хайдун отмахнулся.

– А если воюет?

– Все равно, – ответил Гай. – Эти вообще ничего, кроме своего леса, не видели! Они ни при чем.

– А нам что?.. – сказал Хайдун. – Мы должны подкрепиться, набить сумки едой и пробираться к Ла-Маншу. А что здесь останется, мне плевать. Меня никто не щадил и не жалел.

От костра раздалась пьяная песня. Все одиннадцать свободных от обязанностей собрались у бочонка, выбили пробку и наперебой подставляют баклаги и серебряные чаши, награбленные за время похода, а у Армстронга даже золотая, которой он очень гордится.

Гай стиснул челюсти, дальше будет то, что видел уже не раз. Сперва от вина теряют контроль, перестают сдерживаться, беспомощность жертв провоцирует насилие, начинают вышибать двери, врываются в дома, убивать сопротивляющихся мужчин и насиловать их жен и дочерей...

Такие частенько выволакивают женщин на улицу, чтобы насиловать при свете солнца. Люди озверели от тяжелой жизни, а на войне, где видят смерть на каждом шагу, перестают ценить жизнь даже свою, а уж чужую так и вовсе...

– Надо уходить, – сказал он резко. – Мы не должны этого допускать!

Армстронг возразил:

– Как?.. Они уже еле на ногах стоят!.. Пока весь бочонок не осушат, никто и ухом не поведет... В жаркой пустыне, ха-ха-ха, у всех пересохла внутренности, теперь всю оставшуюся жизнь будут заливать жар вином и пивом!

– Осушат бочонок? – переспросил Гай саркастически.

– В нем уже меньше четверти, мой лорд!

– В подвалах найдется еще, – сухо заметил Гай.

– Придется подождать, – сказал Армстронг с сочувствием. – Ладно, я пока схожу за вином. А то мы как не люди...

Потом они лежали на прогретой за день земле, подложив охапки сена, пили чудесное вино и смотрели на звезды. Правда, Армстронг однажды отлучился, а вернулся с блудливой улыбкой и расстегнутыми штанами, и Гай с горечью понял, что по крайней мере у одного дома двери все-таки выломали, не зря же с той стороны слышен женский плач, тихий и безнадежный.

Он чувствовал, как медленно уходит звериная усталость, накопившаяся за долгие годы непрерывных боев, непрестанного ожидания нападения в ночи, когда каждая мышца на пределе, когда все на зверином чутье, когда постоянно ждешь удар и ежесекундно готов ответить двумя.

– Ладно, – сказал он, – сегодня отдыхаю, завтра на рассвете уйду.

Армстронг пробормотал сонно:

– Да, уже пора... Хотя на рассвете рановато, все перепились...

– Я уйду, – казал Гай твердо, – а остальные как хотят. Это не мой отряд, я за него не отвечаю.

– Но все привыкли считать вас командиром, – возразил Армстронг. – Хоть мы и собрались кто откуда.

– Кто в самом деле считает меня командиром, – сказал Гай, – тот пойдет со мной. Мы же не в бой посланы, а спасаем шкуры и жаждем добраться до Англии. Войска нашего нет, всякий сам по себе, каждый выбирает путь и судьбу.

Отоспавшись за день, вечером ходили вдоль домов, стучали в двери и окна, уговаривали открыть, обещали, что ничего не сделают, а ночью выломали двери еще в одном доме, где заметили двух молодых женщин. Какой-то парнишка выбежал навстречу с топором в руках, ему дали обухом в лоб, связали на всякий случай, вдруг оживет, затем выволокли женщин под звездное небо и насиловали с пьяным гоготом и шуточками.

Отчаявшиеся крестьяне высыпали из домов и попытались дать бой англичанам, однако те хоть и пьяные, но к этому времени прошли всю Палестину, участвуя в боях за все важные крепости, знали, как драться, и умели: деревенских увальней убили всех быстро и просто. Из англичан трое ранены легко, один тяжело, ему распорол кривой брюхо, он натужно улыбался и все просил дать больше вина, что все равно выливалось из широкого разреза на животе.

Теперь женщин насиловали вволю, изощренно, переходя от одной к другой, наслаждаясь чувством власти, упиваясь страхом в глазах плачущих жертв.

Утром Гай собрал мешок с едой, стараясь не слышать плач и стоны, наполнил баклажку с вином, вроде все, перевязь с мечом уже приятно оттягивает пояс, выпрямился и пошел в сторону леса.

Армстронг вскрикнул:

– Мой лорд! Я с вами!

– Тогда не отставай, – бросил Гай раздраженно. – Ждать не буду.

Он шел, не оглядываясь и не останавливаясь. Немного погодя послышался настигающий топот, он понял, что догоняют трое, и даже понял по легкости шагов, что кроме Армстронга с ним теперь еще двое лучников, представителей самой мобильной и опасной для сарацин армии крестоносцев.

Армстронг сказал, запыхавшись:

– Вы правы, мой лорд. Это приятные пустяки, но не стоит из-за них задерживаться. Впереди Англия!

Лучники Сэм и Нил старались идти впереди, но Гай велел топтать замыкающими, чтобы в случае опасности успели натянуть тетивы.

В лесу Гисборн сделал несколько шагов, насторожился, вскинул руку. По земле прокатился легкий гул, стал четче, все различили стук множества копыт.

Армстронг произнес с кривой улыбкой на лице:

– Видать, кто-то все-таки добежал...

С дальней стороны леса, где осталась распятая на земле молодая крестьянка, из-за деревьев вырвался конный отряд во главе с воином в кирасе и стальных наручниках, но с непокрытой головой. В руке его блистал обнаженный меч, за ним два десятка воинов, все пригнулись к конским гривам, готовые избегать смертоносных стрел английских лучников.

Сэм вскрикнул в тревоге:

– Это из гарнизона!..

Он сделал движение броситься обратно, Гай ухватил его за плечо:

– Не успеваем.

Армстронг яростно засопел, ожег его ненавидящим взглядом, хотя сам видел, бой начнется и тут же закончится, кто бы ни одержал верх, хотя понятно, кто победит: лучники хороши только на дистанции, а всадники слишком быстро очутятся среди них, у всех в руках длинные мечи, которыми так удобно рубить пеших...

Гай скомандовал резко:

– Уходим! Быстро.

Он не оглядывался, но слышал по топоту, что бегут за ним слаженно и беспрекословно. На помощь деревне пришли не из соседнего села, а из воинского гарнизона. Быстро допросят раненых англичан, и пусть даже те ничего не скажут, но крестьяне, давно пересчитавшие всех, с готовностью скажут, что четверо ушли вон в ту сторону...

Гай несколько раз менял направление, заставлял продираться через чашу, где не пройдут кони, перебираться через упавшие деревья, а то и, пригибаясь, под просто зависшими на ветвях соседей и готовых рухнуть в любое мгновение, кони там точно не пройдут, в первый раз позволил перевести дыхание только после двух ручьев, когда долго шли по воде вниз по течению.

Армстронг из-за своей массы устал больше других, но не роптал, о Гае Гисборне знали, что всегда или почти всегда выводит своих людей целыми из самых тяжелых боев.

Гисборн, как самый жилистый и выносливый, разобрал мешки и выложил на траву еду, ровно столько, чтобы утолить голод, но не отяжелеть. Вина не дал вовсе, да никто и не просил, представили, как французы рубили пьяных и беспомощных соотечественников.

– Сегодня выйдем к нашим землям, – объяснил он. – Они хоть и французские, но английские.

Армстронг пробормотал устало:

– Это как?

– Нормандия, – объяснил Гисборн, – была всегда нашей... ну, с тех пор, как викинг Ролло со своими норманнами отнял самые лучшие земли у франков. Потому и называется Нормандией. И хотя его правнук Вильгельм Завоеватель потом высадился в Англии и стал английским королем, он не перестал быть хозяином Нормандии, ясно? А потом Генрих II женился на Алиеноре Аквитанской, она принесла ему в приданое Аквитанию, так что половина Франции наша по закону...

Армстронг хмыкнул.

– Осталось завоевать другую половину, и Франция станет Англией?

Гисборн сказал невесело:

– Я не знаю, что думают наши короли. Но войны гремят всюду. Только что-то они мне в последнее время осточертели. Уже не хочу ни славы, ни добычи.

Армстронг покосился на него с сочувствием. Рослый, могучий и жилистый, рыцарь выглядит так, будто его породила сама война: жесткий, суровый и безжалостный, всегда успевающий предвидеть опасность, прошел через все войны, не получив ни одной серьезной раны, а мелкие не в счет, умеющий рассчитывать каждое мгновение боя как для себя, так и для отряда.

– Я вообще-то, – ответил он, – тоже... это самое.

Сэм и Нил помалкивали, в их мешках столько награбленной добычи, что воевать точно никуда не пойдут, купят богатые хозяйства и заживут почти лордами.

Гисборн поднялся, подхватил заплечный мешок.

– Пора!

– Еще ноги не отошли, – пожаловался Армстронг.

– По дороге отойдут, – сказал Гисборн неумолимо. – А вдруг нас все еще ищут?

Армстронг и лучники встали с кряхтением, но покорно, при Гисборне, как шла молва, всегда выживают. Да и сами знали, что случилось с теми, кто решил еще задержаться...

Как Гисборн и обещал, к полудню вышли на земли, что хоть и французские, но английские, и хотя английской речи так и не услышали, но местные от них не шарахались, а из попавшегося навстречу отряда всадников указали, где просторный постоялый дом.

Все четверо повеселели, Гисборн видел, как спадает страшное напряжение последних дней. На постоялом дворе оказалась прекрасная харчевня, еда и вино лучшего качества, в Англии такое только у лордов, да еще и так дешево, что Армстронг громко возжелал поселиться во Франции навеки.

Двое суток они отсыпались и восстанавливали силы, на третьи Гисборн собрался в путь, и Армстронг первым вскинул мешок на плечи. Сэм и Нил, довольные и хмельные, предложили купить коней, до побережья еще несколько дней, лучше проехать, чем топать своими натруженными ножками.

Дальше ехали верхами, кони здесь дешевле, чем в Англии, жаль только, что за их провоз через Ла-Манш придется платить очень дорого, лучше там же на берегу и продать...

Гисборн, сверяясь по карте, выбирал кратчайшие дороги, а то вел и по бездорожью, где не пройдут телеги, зато к побережью приближались вдвое быстрее.

Ему уже чудился грозный грохот волн, набегающих на скалистый берег, когда ехали через прекрасный лес, весь залитый солнцем, и увидели двух молодых крестьянок, собиравших хворост.

Сэм заорал весело:

– Девочки, мы вам поможем!.. И даже до дома довезем!

Обе женщины, завидев подъезжающих мужчин, бросили хворост и ринулись наутек. Гисборн в бессилии выругался. Оставайся женщины на месте, ничего бы не произошло, несколько шуточек, то да се, а если бы отказали, то всадники поехали бы дальше, хоть и громко сожалея, но когда убегают – в каждом просыпается инстинкт зверя-охотника: догнать, прыгнуть сзади, повалить...

Он даже не кричал вслед, повелевая остановиться, хороший командир знает, что есть черта, за которой подчинение заканчивается, и пытаться приказывать в подобных случаях – только ронять свой авторитет.

Ему подчиняются, потому что он спасает их от опасностей, но как отказаться, когда от тебя в лес убегает молодая и сочная, трясая выменем и колыхая двумя аппетитными половинками толстого зада?

Потом, когда они садились на коней, женщины в изорванных платьях, через которые у обоих просвечивает голое исцарапанное тело, иступленно кричали вслед:

– Чтоб вы все передохли, английские ублюдки!.. Да чтоб вас Господь покарал за все муки, что вы принесли в наши земли!..

Гисборн хмуро молчал, Армстронг тоже отводил взгляд, а Сэм ответил громко:

– Не противились бы законным требованиям нашего короля, никто бы вас и пальцем не тронул! А раз не признаете прав Ричарда Львиное Сердце...

Однако в его голосе звучал стыд за содеянное, а Нил пробормотал, что ну ладно, чего ж там, они же француженки, у них все это просто, как сопلي вытереть...

Глава 3

Словно гневаясь, небо заволокло тучами, налетела гроза, быстрая, короткая, но мощная. Дороги мгновенно развезло, но, к счастью, гостиницы здесь на каждом шагу, здесь уже английские земли. Армстронг с облегчением увидел одну такую на развилке дорог, пустил коня вскачь, а во дворе соскочил на землю и набросил повод на крюк коновязи.

– Уже вечер, – сказал он, опережая Гисборна, – заночуем, а за ночь земля подсохнет!

Гисборн смолчал, чем ближе к Англии, тем меньше с ним считаются, что вообще-то его устраивает, хоть и малость задевает. Ладно, пусть, за одного себя отвечать легче, чем за десяток недисциплинированных остолопов.

В харчевне пусто, хозяин обрадовался гостям, начал таскать на стол самое лучшее, Сэм и Нил все больше входили в роль богатых господ, платили щедро, заказывали вино и женщин, но, увы, женщин в гостиницах нужно искать только в больших городах, а здесь всего лишь придорожный постоялый двор...

Армстронг важно посоветовал завести, это же добавочная прибыль, после чего пьяно потащился наверх, оступаясь на каждой ступеньке. Гисборн почти не пил, все пытался представить, что ждет его в Англии, а спать отправился позже всех.

Среди ночи проснулся вдруг с сильно колотящимся сердцем, словно его толкнул кто. Такое случалось в Палестине, когда под покровом темноты к ним неслышно подбирались сарацины. Инстинктивно сунул руку под подушку и неслышно потянул на себя нож, полежал, тревожно прислушиваясь к каждому звуку, полная тишина, хотел было повернуться на другой бок и заставить себя спать, как вдруг ноздри уловили чужой запах.

Сердце начало стучать так, что заломило в висках. Он прислушался, затем резко дернулся в сторону, что-то вонзилось в подушку, а он с силой ударил рукоятью ножа в то место, где у сарацина затылок.

Послышался легкий треск, за ним хрип. Он скатился на пол, нащупал меч у изголовья. Через несколько мгновений по лестнице простучали босые подошвы.

Он осторожно вышел в коридор, там слабо теплится огонек в светильнике, зажег от него свечу и вернулся в комнату. На полу стонет распростертый молодой мужик, в руке зажата деревянная рукоять ножа, на лезвии кровь.

– Кто ты? – спросил Гисборн. – Разбойник?

– Вы насильовали Герду и Гизеллу, – прошептал умирающий. – Вы должны умереть...

Гисборн, не отвечая, вбежал в соседнюю комнату. Сэм и Нил застыли в постели в лужах крови с перерезанными горлами, Армстронг на полу, кровь хлещет из него, как из недорезанного кабана.

На Гисборна поднял затуманенный взгляд, бледнеющие губы чуть-чуть шевельнулись.

– Забери наших коней и мешки, – прошептал он. – Господь наказал нас за грехи наши тяжкие...

– Господь милостив, – проговорил Гисборн с трудом, – это война ожесточила наши сердца и сделала нас глухими к страданиям близких. Но Господь все понимает и... простит.

Губы Армстронга чуть дернулись, будто пытался улыбнуться.

– Господи, – услышал Гисборн страстный шепот, – в руки твои предаю душу свою... будь милостив, ибо слаб человек...

Добравшись до Кале, Гисборн с легкостью продал всех четырех коней и добычу, что награбили его соратники, в портах всегда полно подобных скупщиков, и в тот же день взошел на корабль, отправляющийся в Англию.

Вроде бы и крохотный пролив между Францией и Англией, ходят слухи, что некие смельчаки переплывали его без всяких кораблей, но уже на середине его Гисборн ощутил, как за спиной остается солнечная и веселая Франция, а впереди вырастает нечто огромное, мрачное, угрюмое, погруженное в вечный туман...

Когда вдали показался берег, пошел дождь, но не по-французски быстрый и солнечный, а мелкий, тягостный, монотонный, из серых туч, укрывших небо от края и до края.

Такой дождь считают противным, но как бы ему радовались в знойных песках Палестины, где пришлось провести последние годы. Ветер дул в спину, однако в замкнутой бухте Спитхеда вода уже спокойная.

Берег встретил сильным запахом рыбы, нечистой воды, еще удивило обилие стражи, все суровые и неподвижные, не слышно шуточек, здорового гогота, звона доспехов, когда эти вчерашние деревенские парни толкаются плечами от избытка силы.

Корабль пристал возле Тауэра. Гай увидел серые массивные ворота Дувра, где стены в двадцать футов толщиной, две линии крепостных валов и огромная прямоугольная башня.

Корабль качнулся и замер возле пристани. Гай с облегчением перевел дыхание, в южных морях чаще всего от корабля приходилось на лодках к берегу, а здесь везде достаточно глубоко.

Загребели спускаемые сходни, первым на берег сошел капитан с бумагами, двое служащих порта долго проверяли, наконец один сказал брюзгливо:

– Пассажиры могут сойти, а груз проверим лично.

Гай сошел торопливо, почти не веря, что после двенадцати лет жестоких боев в жарких песках Палестины наконец-то родной влажный воздух, низкое небо в тучах и воздух с растворенными в нем частичками знаменитых лондонских туманов...

Служащий порта просмотрел бумаги, выданные Гаю верховным магистром ордена тамплиеров, взглянул на Гая, снова углубился в чтение, а потом сказал непрерываемым голосом:

– Вам надлежит явиться в королевский дворец, сэра Гай. Немедленно.

Гай вздрогнул:

– Мне? Зачем?

– Там скажут, – ответил служащий. – И... не задерживайтесь. Там этого не любят.

Гай сказал послушно:

– Да, конечно...

На улицах на него оглядывались почтительно, уступали дорогу, некоторые кланялись, просили благословения, в Лондоне не часто увидишь человека в белом плаще без рукавов, на спине которого большой красный крест, что значит – крестоносец, выполнивший свой обет, воевавший в Палестине с сарацинами, так как те, кто только едет туда, нашивают крест на груди.

У фигурных ворот королевского сада, выполненных из толстых металлических прутьев с острыми концами наверху, похожих на длинные копья, стражи сперва было шагнули навстречу, но посмотрели на его плащ, один молча отворил рядом с воротами калитку, другой сказал с сочувствием:

– Жаркое там солнце, да?

Гай смолчал, и без того тошно выглядеть смуглокожим сарацином среди лондонцев, почти не видящих солнца за вечными туманами и тучами.

Он долго шел по ровной, как стрела, аллее, королевский замок вырастает впереди массивной серой громадой, древней, как сама земля, хотя умом понятно, что легкие воздушные дворцы сарацин, полные света и солнца, намного древнее, однако здесь ощущение грозной дикой мощи буквально пронизывает воздух.

К его удивлению, слуги на входе во дворец лишь окинули его внимательными взглядами, но не остановили, хотя сразу же по ту сторону двери встретил офицер с двумя стражами внутренних залов, их легко отличить по красной одежде с золотыми нитями.

– Прошу вас, сэр, – сказал офицер со всем почтением, – оставить здесь все ваше оружие.
– Это только мне, – поинтересовался Гай, – или таково правило?

– В королевский дворец, – пояснил офицер ровным голосом, – никому не позволено входить с оружием. Кроме, естественно, стражи.

Гай прислушался к интонациям, ничего враждебного, даже чуть усталый голос, словно повторяет такое по нескольку раз на день. Хотя он может и не знать, если его намерены схватить там дальше безоружного.

– Как скажете, сэр, – ответил он и потянул меч в ножнах через голову. Перевязь, потертая, как и ножны, прокаленная нездешним жарким солнцем, впитавшая морскую соль и капли его горького пота, офицер терпеливо ждал, как и его стражи, но по их лицам Гай все же уловил, что все трое сочувствуют побывавшему в дальних краях и сражавшемуся за веру.

– Идите прямо, – сказал офицер. – Там скажут.

Гай, еще больше настороженный, двинулся через зал, огромный, украшенный гобеленами и щитами со скрещенными за ними копьями. Сверху свисают неизменные полотнища пламенно-красной материи, грубая красота сильных людей, что смутно желают ее, но пока не знают, что это и как ее достичь.

На том конце у двери замерли в ожидании двое слуг. Один сразу обратился к нему, не меняя выражения лица:

– Сэр, следуйте за мной.

Гай молча поднялся за ним по широкой лестнице, слуга распахнул перед ним дверь в просторную комнату.

– Прошу вас, – произнес он бесстрастно, как говорила бы мебель из покрытого лаком дерева. – Здесь можете привести себя в порядок. Его высочество вас скоро примет.

Гай проводил его взглядом, тот вышел красиво и бесшумно, как плывущий по воде лебедь.

Комната должна поразить богатством и роскошью, так явно и происходит со всеми прибывшими из глухих земель Англии, но только не с тем, кто видел сказочные дворцы властителей Аравии.

Он покосился на огромное зеркало, стоящее на полу в массивной позолоченной раме. В нем отражается богато убранная комната, закрывающая гобеленами суровость гранитных блоков стен, а также высокий мужчина с хмурым лицом и настороженным взглядом.

Гай подошел ближе, последний раз вот так видел себя много лет назад. Тогда на него смотрело совсем другое лицо, юное и щекастое, а теперь вытянуто, как у коня, скулы острые, нижняя челюсть тяжелая, а раньше как будто ее и вовсе не было, левую бровь пересекает надвое шрам, обрываясь на глазной впадине, и снова идет через высокую скулу. Еще чуть, и ятаган сарацина коснулся бы глаза, а то и вовсе раскроил череп. Еще один шрамик белеет на подбородке, но это все, а следы меж лопатками от стрел, жуткий шрам на правом боку, едва зажившая рана от копья... это все, к счастью, скрыто одеждой.

Он подумал, что по одному выражению лица его сразу отличают от местных, довольных и сытенных, беспечных. По нему видно, что всегда готов закрыться от удара, нанести в ответ свой... И потому вид у него такой, будто отовсюду ждет взмаха ножа, тело напряжено, не для того выжил в десятках жесточайших сражений, чтобы вот здесь распуститься.

Ждать пришлось недолго, вскоре явился уже другой слуга, одет еще ярче, спросил с поклоном:

– Сэр?

– Сэр Гай Гисборн, – произнес он с достоинством.

– Сэр, – повторил слуга, – я хотел спросить, вы готовы?

Гай ощутил досаду, что не понял вопроса, а этот серв еще и проигнорировал его имя.

– Я готов всегда, – ответил он резче, чем хотел.

Слуга взглянул на него внимательно, поклонился уже ниже.

– Прошу вас следовать за мной, сэр... Гай Гисборн.

Гай снова шел длинным коридором и упрекал себя, что радуется победе над слугой, это же надо так пасть. Справа и слева в нишах вперемишку со статуями застыли в ожидании и живые стражи, попадаются ярко одетые придворные, но все равно холодно, сыро и промозгло, сквозняки тянут со всех сторон.

Слуга распахнул перед ним дверь и сказал только одно слово:

– Ждите.

Гай сделал шаг, дверь за ним закрылась, а он, переступив порог, мгновенно по воинской привычке охватил цепким взглядом все пространство на случай опасности, отметил мысленно тех, кто показался подозрительным, затем обратил взор на главную часть зала.

Все помещение средних размеров, эта половина заполнена лордами, как он понял сразу, от каждого веет мощью и величием, а на той стороне под стеной помост с балдахином цвета крови, внизу такого же цвета ковер, посреди помоста королевский трон с высокой спинкой, Гай сразу увидел на ней изображение щита с леопардом, личный герб короля Ричарда Львиное Сердце. Справа и слева от трона по роскошному креслу, оба пустые, как и трон, но из зала как раз к помосту шел грузный человек, похожий на простоявшую зиму копну, в сутане малинового цвета и с огромным золотым крестом на груди.

Под взглядами всего зала он с кряхтением поднялся на помост, хотя там всего одна ступенька, так же тяжело опустился в кресло справа от трона.

Похоже, это и есть знаменитый епископ Уильям Лонгчамп, епископ Илийский, первое лицо в королевстве, оставленный лично Ричардом руководить королевством в его отсутствие. Грузный, очень немолодой, щеки висят по бокам, как у старой охотничьей собаки, сутана едва смиряет напор живота. Его поддерживает широкий полотняный епископский пояс, конец которого свисает вниз, на голове круглая епископская шапочка малинового цвета с коротеньким хохолком посередине.

На плечах поверх сутаны роскошная пелерина, именуемая мантией, на груди панегия, то есть овальный образ Богоматери, и массивный крест на золотой цепи.

Ни для кого в Англии не секрет, что всю власть король Ричард оставил в руках Лонгчампа, которому доверяет больше, чем брату Джону. Даже в Святую Землю доходили слухи о конфликтах между канцлером и принцем Джоном, что не желал смириться с ролью послушной овцы. Ричард даже направил в далекую Англию епископа Руанского, чтобы тот уладил споры, а также повелел, чтобы Хью Бардульф, верный соратник Ричарда, сменил брата Уильяма Лонгчампа на должности шерифа провинции Йорк.

Лонгчамп возжелал взять под свою руку замок Линкольн, имеющий важное стратегическое значение, а также контролирующий богатые земли, но принц Джон к этому времени уже сумел найти сторонников среди оставшихся в Англии лордов и неожиданно осадил Линкольн, а также внезапно захватил замки Тикхилл и Ноттингем, где никто не ожидал нападения...

Через минуту через зал прошел и, легко вскочив на помост, в левое от трона кресло сел человек в строгой черной одежде с белым воротником.

Главный казначей, решил Гисборн настороженно, деятельный Жан Маршалл, брат Уильяма Маршалла... а если нет, то это граф Омальский Уильям де Мандевилль. Он с епископом Даремом Гуго возглавляет выездные суды графств, а де Мандевилль отвечает еще и за континентальные владения короля.

Гаю показалось, что всемогущий Лонгчамп его заприметил и брезгливо всматривается в пришельца из Палестины, хотя должен бы как раз проникнуться симпатией, ведь он в числе первых откликнулся на призыв папы выступить на защиту святыни христианства – Иерусалима, захваченного сарацинами...

Он почувствовал себя одиноко, как не ощущал даже в песках Палестины, когда в ночи оказывался один в абсолютно чужом мире, где вокруг только враги.

Неожиданно громко и звучно протрубили трубы, церемониймейстер прокричал с радостным подъемом:

– Принц Джон!

Глава 4

Полузакрывающие вход во внутренние покои шелковые полотнища колыхнулись, принц Джон вошел быстро и целеустремленно, несмотря на грузное тело. Почти такой же крупный, как и его брат Ричард. Но Гай не увидел в его лице ни отваги, ни свирепой ярости, что так часто вспыхивала на красивом и мужественном лице короля с львиным сердцем.

То есть все три сына Генриха II получили владения во Франции. Холодную и туманную Англию никто не любил и не хотел там вообще появляться, как и сам король Генрих II...

Придворные склонились в таком почтительном поклоне, что Гай стиснул кулаки, так кланяются только королю, да как смеет этот мерзавец...

Сам он лишь чуть-чуть наклонил голову, принц Джон на ходу скользнул по нему недовольным взглядом, но ничего не сказал, молча прошел к королевскому трону и сел уверенно и властно, откинувшись на спинку и положив руки на широкие подлокотники.

На голове холодно блистает корона принца, но Гаю показалось, что она слишком уж похожа на королевскую. Если верить слухам, страной правит Лонгчамп, однако в королевском кресле сидит принц Джон, и вид у него такой, что все-таки правит он и только он...

Когда принц начал прием, опять же – принц, а не Лонгчамп, – Гай больше присматривался к нему, брату короля, как все говорят, постоянно копающему под короля, чем слушал жалобы и прошения. Те настолько поразили мелочностью и склочностью, что сразу же перестал их воспринимать, словно боялся заразиться.

Одновременно постоянно осторожно посматривал по сторонам, все еще непонятно, почему его перехватили прямо с корабля.

Прием длился и длился, в зале осталось уже совсем мало людей, наконец принц Джон впери в него острый взгляд.

– Сэр Гай, – произнес он.

Гай вздрогнул, голос показался похожим на голос Ричарда, рассердился на себя за такое сравнение и пошел ровным шагом по расступившемуся проходу к помосту.

Принц наблюдал за ним с недоброжелательным выражением на рыхлом нездоровом лице. Вообще-то Гай намеревался преклонить колено, как делали все, но сейчас, озлившись, что посмел сравнивать это ничтожество с божественным королем Ричардом, гордо вздернул голову и, остановившись, поклонился коротко, даже не сгибая спины.

– Ваше высочество...

За его спиной недовольно загудели, послышались злые голоса, кто-то громко назвал выкорыщем Ричарда, кто-то еще громче предложил вышвырнуть его из дворца и послать пасти свиней.

Принц Джон рассматривал его в упор, а когда заговорил, в голосе звучала злая издевка:

– Вы все-таки уцелели, сэр Гай?.. Мне кажется, из тех сорока тысяч человек, которых мой братец увел в крестовый поход, вы едва ли не единственный?

Гай твердо выдержал его взгляд, ответил ровно, скрывая гнев и бешенство на такое оскорбление:

– Позволю себе не согласиться с вашим высочеством.

– В чем?

– Что я единственный, – ответил Гай. – Уверен, добраться до Англии смогут многие.

Принц громко фыркнул.

– Добраться? А почему не вернуться с блестящей победой под гром фанфар и с развернутыми знаменами?

Гай стиснул челюсти и несколько секунд превозмогал бешенство, наконец ответил ровным голосом с холодной учтивостью:

– Ваше высочество настолько заняты важнейшими, без сомнения, делами, что забыли, крестовый поход одобрен папой римским, наместником Бога на земле.

Принц поморщился.

– Ах да, папа... Ну да, папы всегда воюют чужими руками. Если бы я так мог! Наверное, тоже бы воевал.

– Ваше высочество, – произнес Гай твердо, сердце его начало стучать часто и сильно, – есть ценности дороже наших бранных жизней!

Принц некоторое время рассматривал его из-под полуопущенных век. Гай замер в ожидании, придворные за спиной шушукуются все громче, а голоса звучат все злее.

Принц Джон рассматривал его внимательно, как коня на базаре.

– Крепкий, – пробормотал он, – в меру жестокий, выживший там, где погибли все сорок тысяч... И так и не ставший лордом, ведь проливал кровь за идею, а не награды. Гм... У вас, сэр Гай, нет ни земли, ни вообще угла в Англии, как я понимаю. Безземельный, а теперь даже безлошадный рыцарь-крестоносец!.. Прокаленный солнцем настолько, что уже не человек, а обгорелая головешка... Но я буду совсем уж ничтожным правителем, каким меня и считают, если не сумею выжать из вас и последние соки!

Епископ впервые шелохнулся, во взгляде его Гай читал неодобрение, но когда он наклонился к принцу и что-то сказал негромко, тот отмахнулся.

– Полноте, ваше преосвященство... У него спина крепкая. Если добрался до Англии живым...

Человек слева произнес тоже негромко, но Гай расслышал:

– Ваше высочество, люди из похода возвращаются опасные. Они ни во что не ставят как веру, так и власть...

Принц тоже отмахнулся, даже отвечать не стал, а обратился сразу к Гаю:

– Вы молоды, сэр Гай, дерзость у вас бьет через край... Я вот все стараюсь придумать для вас наказание, чтобы вы ощутили... гм... да-да, ощутили...

Гай гордо выпрямился и упер одну руку в бок, что вообще-то нарушение придворного этикета, но теперь плевать. За спиной громко предлагали бросить его в тюрьму, выставить из страны, послать на границу к шотландцам.

Принц все раздумывал, и Гай сказал дерзко:

– Ваше высочество даже не предполагает, что нам пришлось пережить в жарких песках мира сарацинов! Так что любое ваше наказание я встречу... со смехом.

Принц покачал головой, взгляд его стал острее.

– Гай Гисборн, – произнес он пренебрежительно, – преданнейший вассал и соратник моего брата... родом из Кардифа, обладал неплохим уделом, но продал, чтобы на вырученные деньги купить хорошие доспехи, оружие, боевого коня и отправиться с моим братцем за море восстанавливать справедливость... как будто в Англии с нею уже все в порядке. Двенадцать лет боев, множество ран, часто захватывал богатую добычу, но жертвовал на нужды похода, оставляя себе только на нового коня и доспехи взамен изрубленных... И вот теперь вернулся в Англию без средств к существованию...

Лорд-канцлер заметил с улыбочкой:

– Ваше высочество почему так уверены? Несколько крупных бриллиантов любой человек на его месте точно бы себе оставил!

Принц нервно дернул щекой.

– Да вы посмотрите на него, – сказал он хмуро. – Разве такой себе что-то возьмет? Не-е-е-т, он только отдавал. Чем я, конечно, и воспользуюсь.

Гай сказал дерзко:

– Ваше высочество, я, конечно, весьма польщен, что вы так досконально знаете мою биографию. Но я все-таки не понимаю...

Принц сказал пренебрежительно:

– Зато понимаю я.

– Но я тоже... как бы... принимаю участие?

Принц отмахнулся.

– Очень слабое. Даже незначительное.

Гай посмотрел исподлобья.

– Ваше высочество?

– Вот изволю, – сказал принц, – чтобы вы, сэр Гай, отдали себя всего без остатка. Судя по скудным сведениям, что докатываются до нас, вы не однажды брали на себя руководство войсками?

Гай слегка поклонился.

– Ваше высочество, это преувеличение. Всего лишь небольшими отрядами. И то лишь в критических ситуациях.

– Хорошо-хорошо, – согласился принц, – а кто сумел выстроить укрепленный лагерь в пустыне, когда обоз не смог двигаться через жаркие пески?

Гай пожал плечами.

– Была острая необходимость, ваше высочество. А никого из более знатных рыцарей близко не оказалось. Вот и пришлось...

– Но ваш лагерь оказался неприступен, – напомнил принц, – и отражал атаки почти месяц, пока к вам не пришли на помощь войска графа Блаутерского. Вот потому вы сейчас и стоите здесь, сэр Гай.

Гай позволил себе чуть искривить губы в иронической улыбке.

– Мне предстоит строить лагерь в болотах Англии?

– Вы почти угадали, – согласился принц безмятежно. – Я намерен назначить вас шерифом в самые опасные земли Англии, что фактически выходят из-под контроля королевской власти. Думаю, после этого ваши трудности в песках Палестины померкнут... да, померкнут после того, как проедетесь по Англии... нынешней.

Гай вздрогнул, он даже пропустил мимо ушей то, что его посылают едва ли не на верную смерть, все равно показалось, что ослышался.

– Ваше высочество?

Принц буркнул:

– Что вам непонятно?

– Должность шерифа, – ответил Гай. – Это достаточно высокое место, но я... у меня нет ни земли, ни титула.

Принц смотрел на него с нескрываемой насмешкой.

– Это все есть у меня, – ответил он высокомерно, – и я могу назначать кого угодно и куда угодно. Но если думаете, что я к вам вдруг вот так ни с того ни с сего проявил благосклонность, вы глубоко ошибаетесь. Вы получите участок земли... но вот сумеете ли удержать... и вообще удержаться?

Гай покачал головой.

– Ваше высочество, я вынужден отказаться от этой, без сомнения, высокой и почетной должности.

Принц спросил:

– Могу я поинтересоваться, почему?

Гай ответил сумрачно:

– Можете. Но я предпочел бы, чтобы вы этого не делали.

– Почему?

– Не люблю говорить неприятные вещи, – признался Гай.

Все затихли, принц посмотрел на него испытующе.

– Понятно, это как-то связано с моим братцем?.. Гнушаетесь принимать из рук, как говорят в народе, узурпатора трона? Но должен вам напомнить, что мой великий канцлер, мудрый епископ Лонгчамп, целиком и полностью поддерживает меня, по крайней мере в этом вопросе... Дорогой канцлер, вы ведь поддерживаете?

Епископ чуть склонил голову.

– Если вам так угодно, ваше высочество. Хотя затея вообще-то глупая.

– Так я же дурак, – ответил принц, – и вообще сволочь. Могу же самодурничать в отсутствие брата?

Канцлер усмехнулся уголком рта и смолчал, а принц вперил требовательный взгляд в стоящего перед ним крестоносца.

Гай произнес твердо, стараясь, чтобы это не прозвучало дерзко, но это все-таки прозвучало:

– Но вы не король, ваше высочество.

Тишина в зале повисла мертвая и такая тяжелая, что Гаю показалось, будто потолок прогибается и вот-вот рухнет.

Принц поинтересовался хмуро:

– И что? Пусть до возвращения короля в стране все больше усиливается беспорядок?.. Хорошо, тогда зайдем с другой стороны... Господин секретарь, прошу вас зачитать пункты о назначении шерифов королем...

Из рядов придворных один сделал шаг вперед, грузный и осанистый, поклонился и, впевнив взгляд в пространство, заговорил монотонным голосом:

– Статья двенадцатая: «Отказываться от принятия должности шерифа запрещается под угрозой значительного денежного штрафа. Срок, на который назначается шериф, – годичный».

Принц пробормотал:

– Мудрый закон... Значительного денежного штрафа... гм... а если назначаемый шериф не внесет означенный штраф?

– Тюрьма, – бесстрастным голосом произнес личный секретарь короля, а теперь, как понял Гай, уже принца Джона. – Пока не заплатит полностью.

– Гм... – произнес принц с удовлетворением в голосе, – пока не заплатит... А если у него нет имения, чтобы продать и расплатиться... Или нет богатых родственников... то, как я полагаю, оставаться ему там навеки?

Личный секретарь возразил:

– Обычно по истечении некоторого срока таких направляют на тяжелые каторжные работы. Бессрочные.

Принц повернулся к Гаю.

– Хорошие у нас законы?

Гай с похолодевшим сердцем едва сумел разлепить замороженные в ужасе губы:

– Не мне судить, ваше высочество.

– И что скажете теперь?

Гай поклонился и, развернувшись, пошел деревянными шагами к двери. Принц вскрикнул в удивлении:

– Куда вы?

Стражи скрестили копыя перед дерзким, не давая выйти. Гай обернулся, ответил спокойным голосом, хотя внутри все дрожит и сжимается от страха и безнадежности:

– В тюрьму, ваше высочество.

Глава 5

Принц вздохнул, лицо его омрачилось. Некоторое время рассматривал исподлобья, наконец проговорил с кривой улыбкой:

– Плохо бы я служил Англии, если бы гноил в тюрьмах таких стойких и принципиальных, способных еще послужить... не мне, так Англии. Тогда зайдем еще с одной стороны... вы, конечно, рассчитываете, что как только мой братец вернется в Англию, так все и наладится?

Гай ответил ровным голосом, стараясь не раздражать принца, все больше хмелеющего от ощущения королевской власти:

– Ваше высочество, скажу честно, я действительно надеюсь, что как только законный король вернется в Англию...

За спиной громко захохотали в несколько голосов, а принц сказал неприятным голосом:

– Да-да, если вернется... В том-то и проблема, сэр Гай. Вы, вероятно, еще не в курсе того, что случилось?

Гай ответил с настороженностью в голосе:

– Н-нет, ваше высочество.

– Гм, – сказал принц Джон, во всем его облике Гай увидел нескрываемое злорадство, – тогда вам придется кое-что узнать новое и не совсем приятное... для вас, верного вассала моего братца. Как вы, наверное, знаете, он заключил договор с Саладином, по которому оставил Иерусалим, за который так долго дрался, в руках мусульман. Святой Крест освободить тоже не сумел, христиан на землях Саладина защитить не смог, а крепость Аскалон, которую выстроили там на месте из камней собственными руками и которую так долго отстаивали, пришлось срыть.

Гай наклонил голову, чувствуя, как ярость и отчаяние заползают в сердце.

– Это не конец, – проговорил он с трудом. – Король Ричард сможет повести войска в новый Крестовый поход!

– Да? – спросил принц саркастически. – Вот уж сомневаюсь. Потому что мой братец, вне себя от горя и ярости, спешно отправился в Англию, где надеялся собрать новое войско, но так как к этому времени успел оскорбить всех государей Европы, через чьи земли идут дороги, то решил плыть по ничейному Адриатическому морю, что вообще-то глупость... однако около берега между Аквилеей и Венецией первый же ветер снес корабль человека, который не умеет ладить с окружающими, к берегу и посадил на мель.

Гай перекрестился и сказал отчетливо:

– Господи, спаси короля Англии Ричарда!

Принц поморщился.

– Да, Господь зачем-то его спас. Видимо, чтобы нас испытать. Мой братец сошел на берег и с тремя провожатыми, переодевшись в простого путника, двинулся через Фриауль, но вскоре о нем донесли герцогу Леопольду, знамя которого он сорвал в Акре, бросил в грязь и топтал в своем обычном припадке ярости. Словом, моего братца схватили и заперли в замке Дюренштейн.

Гай, чувствуя, как бледнеет его лицо, прошептал:

– Господи, не дай им надругаться над сувереном Англии!

Принц фыркнул.

– Ну еще бы, даст он короля в обиду! Германский император потребовал переслать моего братца ему, так как негоже, чтобы герцог держал в плену короля, но Леопольд ответил, что передаст только за пятьдесят тысяч марок серебра...

Он умолк и смотрел на молодого крестоносца неподвижными злыми глазами. Гай прошептал в ужасе:

– Пятьдесят тысяч? Это немыслимо... Где взять столько?

Принц сказал зло:

– Вот именно.

Гай с неловкостью вспомнил, что Ричард Львиное Сердце пустил на снаряжение войска всю государственную казну, тройной годовой доход, продавал места епископов и шерифов, посадил в тюрьму всех главных союзников отца и выпустил только за выкуп. «Я продал бы Лондон, если бы нашелся покупатель», эти его слова запомнили все.

Впрочем, все действия горячего и скорого на решения короля оправданны, он спешил освободить христианские ценности на Востоке от внезапного натиска мусульман, захвативших Иерусалим, главную святыню христианского мира. Так и надо было, вот только сейчас в Англии совсем нет денег...

– Королевская казна не просто пуста, – продолжил принц Джон со злостью. – Да-да, если бы только пуста, мы бы со временем ее наполнили!.. Увы, мы еще и в огромных долгах... Но вы, очевидно, решили, что это уже все?

Гай с неуверенностью кивнул.

– Что-то еще, ваше высочество?

Принц посмотрел на него со злым торжеством.

– Когда дело касается моего братца, все так просто не заканчивается. Германский император, которого он тоже грубо и незаслуженно оскорбил, потребовал уже от нас в качестве выкупа... сто пятьдесят тысяч марок серебра!

Дыхание остановилось в груди Гая, он старался вздохнуть и не мог, словно получил в солнечное сплетение удар копытом.

– Вот теперь все, – сказал принц Джон резко. – Идите, приступайте к работе. И начинайте собирать деньги на выкуп. Если действительно хотите помочь своему обожаемому королю!

Гай пробормотал:

– Но... простите, почему... я?

Епископ Лонгчамп вытер потные ладони о малиновую тогу, наклонился и что-то прошептал принцу на ухо. Судя по выражению его лица и взглядам, которые бросал на молодого рыцаря, крайне неприятное для него.

Принц отмахнулся с оскорбительной небрежностью, его взгляд не отрывался от лица Гая.

– Почему?.. Да вот такая у меня блажь, как вы уверены... На самом деле потому, что вы, несмотря на молодость, успели побывать за морем и даже в далеких странах, где видели странных людей и наблюдали еще более странные обычаи. А я привык опираться на людей, у которых кругозор шире обычного.

Гай выпрямился и отрезал с достоинством:

– Ваше высочество, ничто не заставит меня предать короля Ричарда!

Принц прищурился, лицо стало неприятным и злым.

– Предать? Кто тут говорит о предательстве?.. Если вы такой верный сторонник моего братца, то вы приложите все усилия, чтобы собрать выкуп! Уверен, мне вовсе не придется вас подгонять и подталкивать в спину.

– Но сто пятьдесят тысяч марок серебра, – проговорил Гай с трудом. – Это же несметно... Откуда столько?

Принц сказал зло:

– Вот и я думаю, откуда? Но вы не один будете собирать, дорогой сэр Гай! Вся Англия будет собирать. Придется ввести дополнительный налог, за который будут проклинать меня, а не Ричарда! Ну, и вас соответственно. Винят не того, кому собирают, а того, кто собирает, или для вас это новость?

Гай выпрямился и постарался ответить твердо и не роняя достоинства:

– Ваше высочество, если бы дело не касалось судьбы короля Ричарда...

Он запнулся, а принц с кислым выражением лица закончил:

– ...то вы бы с негодованием швырнули мне в лицо все мои предложения. Понимаю-понимаю. Вы очень благородный человек, сэр Гай. Я люблю иметь дело с такими, вы никогда не ударите в спину, а вот вас можно еще как...

Гай чуть наклонил голову, скрывая неловкость, принц сказал именно то, что он подумал, но сказать, естественно, не осмелился.

– Ваше высочество, для выкупа короля Ричарда я приложу все усилия!

Советники по обе стороны трона перестали шушукаться и вперили в молодого рыцаря взгляды, в которых он увидел и насмешку, и сожаление, и что-то еще, что не смог разобрать.

Принц сказал уже другим голосом, немного осевшим:

– Перед отъездом зайдите в канцелярию к моему личному секретарю сэру Джохему, вот он перед вами. Он передаст вам бумаги с вашими полномочиями. Сэр Джохем, напомните всем нам, кто может быть шерифом и следить за порядком!

Личный секретарь проговорил бесстрастно и монотонно, словно читал невидимый текст:

– Шерифы назначаются королем по представлению лорд-канцлера из числа лиц, имеющих землю в данном графстве. Не могут быть шерифами бедняки, священники, лорды, офицеры на службе, барристеры и солиситоры... Шериф наделен административными и правовыми полномочиями, что значит – проводит аресты, следит за исполнением приговоров, проведением выборов, комплектованием скамьи присяжными заседателями, надзирает за местами заключения и... много чего еще, ваше высочество!

Принц нехорошо улыбнулся.

– Вот и славно. Пусть потрудится хоть раз в жизни. Это ему не мечом махать!

Гай смолчал, все кажется настолько нереальным, что ничего не идет в голову, а принц вдруг хлопнул себя по лбу.

– Ах да, – проговорил он с досадой, – я и забыл... Законодательство запрещает назначать шерифами чужаков...

Гай с облегчением перевел дыхание.

– Ну вот...

Принц поморщился.

– Погодите, дорогой сэр Гай, погодите... Насколько я помню, после опустошения, что натворил мой братец, в Англии теперь много свободной земли, что зарастает травой...

Епископ произнес жирным голосом:

– Ваше высочество, к примеру, земля Лесного Герберта. Она хоть и заброшена, но если ее распахать...

Принц поморщился.

– Там все голо, после того, как бароны Мишель и Александр Сандстормские вели свою кровавую распрю.

Епископ взглянул на Гаю исподлобья оценивающе, но еще недружелюбнее.

– Сэр Гай Гисборн, – сказал он, – сумеет выстроить себе жилище. Верно, сэр Гай?

Принц поморщился.

– Мне нужно, чтобы он работал с первого же дня, а не занимался постройкой дома! Государственные служащие должны думать о работе, а не о своем благополучии!.. А что с Пустошью Фабиана? Там хотя бы есть нечто вроде замка. Ну, хотя бы стены, остальное можно сделать быстро.

Личный секретарь поклонился.

– Да-да, ваше высочество, и земли там много. Хотя и неплодородная, однако... гм... много.

Гаю показалось подозрительным, что лорд-канцлер согласился так быстро, но принц повернулся и в упор взглянул на неподвижного крестоносца.

– Непопородная... И он будет заниматься тем, чтобы стараться сделать ее плодородной?.. Кстати, дорогой Джохем, вы вчера говорили о Ноттингеме... Напомните, что там за сложности?

Личный секретарь поморщился, словно у него заболел зуб.

– Во-первых, ваше высочество, после того, как вы захватили Ноттингем, там были... некоторые пожары и разрушения. И довольно значительные...

Лонгчамп поморщился, словно сдерживал сильнейшую зубную боль. Гай вспомнил слухи, что принц Джон, усиливая свое влияние, захватил у могущественного канцлера Ноттингем и еще несколько замков в тех землях.

Принц буркнул, стараясь не смотреть на епископа:

– Знаю. А еще там какие-то сложности есть?

Секретарь покачал головой.

– Нет. Если не считать того, что предыдущие три шерифа погибли точно так же, как и тот, которого назначил туда наш достопочтенный канцлер... Удалось узнать, что всех их убили при первой же попытке собрать налоги.

Принц Джон с яростью ударил кулаком по широкому подлокотнику, на миг он показался Гаю похожим на старшего брата, однако через мгновение уголки рта плаксиво опустились, лицо стало растерянным и почти жалким.

– Я теряю контроль над Англией!.. Сэр Джохем, выпишите этому отважному воину Христа все необходимые бумаги. В том числе и дарственную на те земли Ноттингема.

Секретарь поклонился.

– Сделаю немедленно, ваше высочество.

Принц вперил злой взгляд в Гая.

– Не благодарите меня, удалой крестоносец! Ноттингем почти утерян нами, как и весь Ноттингемшир. Ваша задача – вернуть его под власть короны. И, конечно, собирать налоги, если хотите снова увидеть своего обожаемого короля в Англии!

Глава 6

Слуга отвел его в небольшую комнатку, где ему предстоит дожидаться документов, откланялся и ушел. Гай огляделся, есть стол, три стула, сундук и две пустые полки на толстых металлических крюках, вбитых в стену.

Интересно, мелькнуло непрошеное, на Востоке уяснил, что «шериф» означает – честный, высший, благороднейший, знатного происхождения. Сарацины так называют многочисленных потомков пророка Мухаммада. И вот он теперь тоже шериф? И хотя понятно, что шериф от слов *shire-reeve*, что значит представитель власти короля в графстве, но не оставляет ощущение, что, по крайней мере, должен соответствовать исламскому значению этого слова.

Он вздрогнул, дверь распахнулась, в коридоре виден страж с коротким копьём в руке, а в комнату вошел коренастый человек в дорогом темном костюме, в руках две толстые книги размером с рыцарский щит.

– Джозеф Сэмптон, – представился он, – второй секретарь его высочества принца Джона. Гай поклонился.

– Сэр Джозеф...

– В этих книгах права и обязанности шерифа, – сказал личный секретарь принца бесстрастно. – Его высочество изволит дать вам возможность ознакомиться с ними, прежде чем отправитесь к месту своей службы.

Гай поднялся, поклонился учтиво.

– Спасибо. Я тронут заботой его высочества.

Сэр Джозеф сказал сухо:

– Он заботится не о вас, сэр Гай.

– Я это понял, сэр Джозеф. Все равно спасибо.

– Не за что, – ответил личный секретарь и направился к выходу, но на пороге остановился, обернулся: – Да, кстати... если понадобятся какие-то сведения еще, обратитесь к слугам.

Гай спросил саркастически:

– Они могут толковать судебные законы и тонкости работы шерифов?

– Вряд ли, – ответил сухо сэр Джозеф, – но они позовут того, кто такое знает.

Он кивнул и вышел, Гай остался стоять со стучащим сердцем, даже испарина пробежала на лбу и в подмышках. Ощущение такое, что он все еще в жарких песках Палестины и под знойным солнцем сражается с сарацинами.

Он начал листать первый том, больше обращая внимание на яркие рисунки, повествующие о кровопролитных сражениях между датчанами и саксами, а затем саксами и норманнами, увлекся, начал читать текст, углубился и сильно вздрогнул, когда в дверь вежливо постучали.

Удивленный, он никого не звал и не ждет, а остальные входят без стука, он крикнул:

– Открыто! Входите.

Вошел молодой, достаточно высокий монах крепкого сложения, перед собой с мощным пыхтением, как закипающий чайник, держа высокую стопку книг, толстых и явно очень тяжелых.

– Ваша милость... – пропыхтел он, – просили... по истории Ноттингемшира...

– Положи на стол, – велел Гай. – Вообще-то не просил...

Монах простонал несчастным голосом:

– Что, мне отнести обратно?

– Нет, – ответил Гай. – Оставь здесь.

Пока монах осторожно опускал книги на столешницу, придерживая локтями, чтобы горка не рухнула, Гай окинул его цепким взглядом. У монахов, как и в армии крестоносцев, каждая деталь одежды важна и наполнена смыслом. Даже по поясу можно безошибочно узнать

монаха: кожаный – у доминиканцев, веревка – у францисканцев и бриктинцев, пояс из льна – у бенедиктинцев, из оленьей кожи – у бурсфельдцев...

Да что там пояса, красный крест из шерсти на левой стороне мантии указывает на тамплиера, красная пятиконечная звезда с маленьким голубым кругом посередине – на виффлеемитов, крест и две лилии – целестианцы, мальтийский крест из красного шелка с шестиконечной звездой – крестоносцы Красной Звезды...

У камальдолийцев белый головной убор на подкладке из черного шелка и такой же оторочкой, у гумилиатов – берет из грубой шерсти серого цвета, кармелиты конгрегации Мантии отличаются от прочих кармелитов белой шапочкой, под которую одевают куаф из черного холста, из такого же холста сделаны окантовка по краю и подкладка...

– Послушник? – спросил он внезапно.

Монах торопливо кивнул.

– Да, ваша милость. Что-то еще?

Гай подумал, кивнул.

– Да.

– К услугам вашей милости...

– Мне нужно, – проговорил Гай медленно, – мне нужно... да, по истории тех земель, куда еду. А то мне намекнули, что там как бы не совсем даже Англия... Тебя как зовут?

– Послушник Хильд, ваша милость.

– Хильд? – переспросил Гай. – Это же значит «война»!.. Что за имя для мирного монаха?

– Я еще не монах, – напомнил Хильд. – А когда стану, мне подберут другое имя. Надеюсь, светлое и чистое от крови и военных воплей.

– Военные не вопят, – сказал Гай наставительно, – а издают боевые кличи. Есть разница?

Хильд покачал головой.

– Нет. А книги я вам сейчас принесу. Хотя и среди этих есть достаточно много. Здесь вся история права Данелага.

– Что за Данелаг?

– Область, – сказал Хильд, – куда вас назначили шерифом. Так называется область датского права. Его ввели даны, захватившие Англию и поселившиеся в той части.

Гай спросил в недоумении:

– А когда это датчане захватывали Англию?

Монах вздохнул.

– Вы родом из Кардиффа, ваша светлость? Ну, это еще ничего... Я уж думал, вообще из Плимута... Но, конечно, там тоже ничего не слышали о Данелаге...

– Почему такое название?

– Датское право. Lag – это по-старинному, теперь это law. Датский закон! В той части Англии, куда вы едете, совсем другие законы, чем в остальных землях.

– Почему?

– Потому, – ответил монах несколько наставительно и даже свысока, – что там поселились захватившие те земли датчане-викинги и отстаивали право жить по своим законам. Если хотите узнать больше, начните вот с этой...

Он вытащил из середины книгу, и Гай понял, почему послушник так пыхтел, а глаза лезли на лоб. Переплет из толстой латуни, застежки из красной меди, а сама книга толщиной с плиту, из которых сложен замок, да и весом примерно такая же.

– Это все о Данелаге? – спросил Гай недоверчиво.

– В основном, – сказал Хильд бодро, – только начало. Вас посылают в Ноттингем? Ну вот, а Ноттингем довольно крупный город, расположен на реке Тренд, основан саксами, но потом его завоевали датчане, и он стал одним из городов в области Датского права, что сохранилось

в Ноттингеме, как и в других городах Нортумбрии: Линкольне, Лестере, Дерби и Стамфорде, а также в Восточной Англии: Эссексе, Кембриджшире, Бедфордшире и Бакингемшире.

Гай замахал обеими руками.

– Погоди, погоди! Я привык быстро работать мечом, но мозги мои поворачиваются туго. Мне хорошо бы не только о праве... но и вообще о тех землях. Я же не только буду судить... надеюсь!... но и очищать край от разбойников. Хорошо бы знать местные обычаи.

Хильд сказал с сочувствием:

– Ваша милость, вы сперва эту книгу одолейте. Если сумеете, то... возможно, вам другие и не понадобятся.

Гай сказал обреченным голосом:

– Хорошо, возьмусь. Но за тобой можно будет посылать?

Хильд ответил серьезно:

– Мне велели до вашего отъезда прислуживать вам. Я послушник, потому должен безропотно и смиренно выполнять любую работу, это угодно Господу.

Гай пробормотал:

– Ну, а мне-то как угодно... Ладно, иди. Только не пей много.

– Ваша милость!

– Что, совсем не пьешь?... Что за жизнь у монахов... И далеко не уходи. Думаю, я тебя еще подергаю.

Первые атаки на сам остров, как он прочел в первой главе, осуществили еще кельты, именуемые бриттами, в конце концов захватили его полностью, истребив местные племена. Затем пришли римляне, несколько столетий правили, защищая местное население бриттов от скотов и пиктов, но римляне ушли, оставив только прекрасные дороги и развалины каменных ворот и акведуков, а на берега высадились свирепые германцы – англ, саксы и юты...

Захватив с жестокими боями все земли бриттов, германцы вытеснили их на территорию Уэлса, а сами создали на захваченном острове Англо-Саксонскую Гептархию, то есть союз семи королевств. Все постоянно сражались друг с другом за власть, время от времени то одно, то другое королевство получало контроль над другими, но настоящее объединение Англии произошло только с нашествием датских викингов...

– Наконец-то, – пробормотал он, хотя и до этого читал, перелистывая целые главы, стараясь добраться до основ Данелага, что пришло, как теперь видит, вместе с высадившимися датскими викингами. – Вот теперь и оценим, что же тут за уникальные законы...

Первые атаки именно викингов начались, судя по записям, еще пятьсот лет назад. Начали норвежцы, они в семьсот девяносто третьем году разграбили и сожгли Линдисфарн, а потом основали колонии в Ирландии, на Оркнейских и Шетландских островах.

Через полсотни лет началось опустошительное нашествие данов. Первая настоящая армия, а не отряды грабителей, высадилась в восемьсот шестьдесят пятом под началом Ивара и Хальфдана, яростных сыновей известного своими походами датского короля Рагнара Лодброка. На следующий год захватили Йорк, сокрушили армию Нортумбрии и посадили на престол своего ставленника.

Восточную Англию подчинили легко, затем двинулись на Уэссекс и разбили лагерь у Ридинга. Король англосаксов Альфред вынужденно купил за большие деньги перемирие.

Еще через три года датчане захватили всю восточную часть Мерсии и тоже посадили там на престол Келфульфа, своего человека.

А еще через три года и произошло то, что пережило все нашествия, в том числе и последнее, норманнское, и что определяет лицо этой части Англии, в частности – Ноттингема. Победители разделили захваченные земли между армиями, назвали их «областями Пяти Бургов или Датского права».

Правда, через год Альфреду Великому при Эддингтоне удалось остановить викингов, что, во-первых, обеспечило независимость Уэссекса, а во-вторых, что намного важнее, остатки англосаксонских королевств объединились в одно целое.

Еще через несколько лет Альфред отбил у викингов Лондон и заключил с Гутрумом, вождем викингов, мирный договор, по которому оба государства объявлялись равными и независимыми друг от друга. Этот документ и положил начало Датского права, как особой земли, что управляется своими законами, неподвластными Англии.

Также было зафиксировано равенство англичан и викингов на территории Датского права. Правда, через пять лет на побережье Уэссекса высадилась новая армия викингов, ей на помощь пришли датчане Восточной Англии, но Альфред действовал смело и решительно, сумел сбросить их обратно в море, а сам начал поспешно создавать систему национальной защиты и собственный флот.

В общем, к началу десятого века викинги, занимавшие земли от Темзы до Тиса, перешли к оседлому хозяйству, и хотя единства между ними не было, в случае войны они выступали против англосаксов вместе. Однако при правлении Эдуарда Старшего началось настоящее наступление на земли викингов, к тому времени растерявших боевую ярость и смиренно занимавшихся сельским хозяйством. Походы следовали за походами, тяжелые и разорительные для тех, по чьим землям прокатывались, и то ли викинги в самом деле полностью утратили при оседлости воинский дух, то ли самолюбие англосаксов было слишком уж задето, но в конце концов власть англосаксов признала вся Англия к югу от Хамбера. Тем не менее англосаксонские нормы права, как и все остальное – осталось за порогом Данелага, там правили собственные законы викингов, на этом те стояли твердо.

Правда, в это же время в Нортумбрию вторглись норвежские викинги, они мгновенно захватили кусок Англии и основали собственное независимое королевство в Йорке. С огромным трудом англосаксы сумели разгромить скандинавских королей при Брунабурге, но через два года дублинский король Олаф I Гутфритссон занял Йорк и вторгся дальше в Англию. Ему уступили область Пяти Городов, спустя два года снова отвоевали ее, еще через два года новый король Йорка Олаф II Куаран привел огромное войско норвежцев в Англию, но нападение удалось отбить во многом благодаря тому, что впервые жители Пяти Городов, то есть Данелага, помогли англосаксам, и король Эдмунд сумел восстановить власть над Йорком...

В девятьсот сорок седьмом году викинги снова захватили Йорк, и так длилось несколько долгих лет кровавых ожесточенных сражений, когда Йорк переходил из рук в руки, но в пятьдесят четвертом Йорк и все Йоркское королевство вошло в состав Англии уже окончательно.

В дверь постучали, Гай сказал нетерпеливо:

– Открыто!

Вошел Хильд, в руках широкий поднос, ногой закрыл за собой дверь.

– Ваша милость, вам надо и поесть. Вы же не монах?

– Еще нет, – ответил Гай. – Вообще-то спасибо.

– Вообще-то пожалуйста, – откликнулся Хильд.

Он умело расставил по столу тарелки с мясом и сыром, в центре водрузил кувшин с вином, поставил две чаши и аккуратно нарезал хлеб. Гай потянул ноздрями ароматный запах, но не мог оторваться от красочного описания яростных битв, когда англывыдерживали свирепый натиск могучих викингов.

Хильд следил с сочувствием за муками сурового рыцаря, занятого таким непривычным занятием, тот добрался до четверти первого тома, а впереди еще двенадцать толстых книг, одна другой увесистее, наконец сказал тихонько:

– Ваша милость, я мог бы за хорошую выпивку рассказать вам все, что здесь написано, за один короткий вечер, если не будет пустовать моя кружка!

Гай посмотрел на него с недоверием.

– Ты в самом деле их все читал?

Хильд ухмыльнулся.

– Вам трудно поверить, но... читал. И кроме этих читал еще много. И хотя во многих знаниях много печали, сеньор, но я буду и дальше собирать крупницы мудрости в книгах.

– Вот как? Ну, если ты такой грамотный, тогда можешь сказать, что именно меня интересует?

Хильд широко улыбнулся.

– Легко.

– Что именно?

– Вовсе не описание подвигов, – ответил Хильд, – хотя вы именно про них и читаете. Кровавые битвы, славные победы, блеск мечей, героические речи... Да, это по-рыцарски, но вас сейчас интересует... или должно интересовать совсем другое.

– Ну-ну, что же?

Хильд молча указал взглядом на свою огромную кружку. Гай покосился на нее мрачно, но негоже рыцарю прислуживать за монахом, тем более простым прислужником, громко хлопнул в ладоши.

Открылась дверь, в проеме вырос мрачный слуга, за его спиной снова мелькнул страж.

Гай велел коротко:

– Вина этому бегемоту. Вдоволь!

Глава 7

Слуга вздохнул и потащился к кувшину с таким видом, словно к ногам привязаны гири. Хильд дождался, когда кружка наполнится, сделал большой глоток, прислушался к ощущениям, довольно заулыбался.

– Хорошо, – сказал он и закатил глазки. – Я думал, угостите какой-либо кислой дрянью. А это хорошее вино, господское...

– Сам такое принес, – напомнил Гай сурово. – Давай рассказывай. И не шибко ври.

Хильд вздохнул, лицо посерьезнело.

– Ваша милость едет туда шерифом, а это значит, вас интересует, что такое шериф и в чем его обязанности. К тому же вы из Плимута...

– Я из Кардиффа, – напомнил Гай строго, уже сообразивший, что быть из Плимута – почему-то расписаться в полнейшей дикости.

Хильд отмахнулся.

– Да хоть из Ливерпуля, та еще дыра... В общем, как я уже сказал, в Ноттингеме совсем другая система права...

– В чем ее отличие? – спросил Гай.

– К примеру, – сказал Хильд, – вы хоть знаете, что такое суд присяжных?

Гай в недоумении покачал головой.

– Нет. Что это?

Послушник сказал с удовольствием:

– А его нигде больше нет, как в городах и землях Датского права! Двенадцать наиболее авторитетных тэнов уэпентейка решают сперва, виновен или нет, потом передают в суд обвиняемого и – главное! – участвуют в одобрении приговора. Или неодобрении. Это уникальная система...

Гай пробормотал озадаченно:

– Да... а как же суд сеньора?

Хильд отмахнулся с полнейшим пренебрежением.

– Это осталось только в диких землях.

– Это во всей Англии! – сообщил Гай мрачно.

– Я и говорю, – согласился Хильд. – Мы живем в диком мире, верно?... По всей Англии крестьяне почти все зависимые, верно? А там почти все свободные. Сокмены! И фригольдеры.

– Сок... мены?

– Да, – сказал Хильд. – Сокмены. Но это для вас не важно, сэр...

Гай запротестовал:

– Мне это очень важно! Налоги тоже мне собирать, черт бы побрал эту унижительную обязанность! Так что там насчет сокменов?

Хильд сам налил себе в кружку, отпил, вытер рот рукавом и продолжил почти весело:

– Вы были в Уорикшире?

– Был, – ответил Гай настороженно. – А что?

– Видели там сокменов?

– Ни одного, – ответил Гай с недоумением. – А может, и видел, только это что? Вино такое? Или мясо под соусом?

– Даже слова такого не слышали?

– Н-нет...

Хильд покачал головой.

– Вот что получается, когда римские дороги зарастают лесом. Связи обрываются, люди живут в селе и думают, что одни-единственные на свете!...

Гай сказал с досадой:

– Ладно тебе! Я успел повидать кое-что, кроме своего села. Что это?

– То, – ответил Хильд победно, – чего здесь совсем нет, а вот совсем рядом, в Лестершире, – больше двух тысяч!.. Они, в отличие от здешних вилланов, все имеют полное право собственности на свои земли и могут распоряжаться ими по своему усмотрению. То ли пахать, то ли овец пасти, то ли вообще подарить или продать. Земли датского права из самых бедных в Англии после захвата их скандинавами стали самыми богатыми! Только скандинавы превратили пустоши и леса в пахотные земли и собирают огромные урожаи.

Гай протянул озадаченно:

– Спасибо... Пожалуй, это и есть самое важное, что узнал за сегодня. Там издалека вся Англия такая крохотная! А эта крохотулька, оказывается, еще какая, надо же, разная.

С документами вышла какая-то задержка, ему сообщили, что идет передача прав, а тем временем явился слуга и пригласил на ужин. Гай опасался, что придется вместе со слугами, а это оскорбление, хотя сам не видел в этом ничего зазорного, но тут важно, как другие оценят...

К счастью, за стол его посадили с королевскими стражами, причем со старшими офицерами, а простые стражники трапезуют в общей комнате.

Гай поскорее закончил с ужином, не нравятся люди, так гордящиеся службой при дворе, в любом случае это всего лишь сервы, какие бы пышные одежды ни носили.

Вернувшись, снова сел за книги, стараясь поскорее вникнуть в обычаи и законы этой малой страны внутри большой страны. Как гласит следующая глава, набег датчан начался уже в девятьсот девяностом, через год разграбили Западный Уэссекс, после чего английские короли впервые приступили к сбору «датских денег», первый всеобщий налог в Англии. Набег учащались, англосаксонский король Этельред II в тысяча втором устроил массовую резню датчан, что просто жили в Англии, но викингов это лишь разозлило, и в течение пятнадцати лет их армия под началом Торкеля Длинного методически уничтожала все города и села в южных землях Англии.

В этой нескончаемой войне сила духа викингов оказалась выше, англосаксы бежали с полей битв, а король Этельред II бежал в Нормандию. Еще долго длились жестокие сражения, время от времени Англия поднималась и пыталась стряхнуть захватчиков, но в конце концов знать и духовенство Уэссекса и Данелага признали королем Англии сына датского короля Свена Кнуда.

Было еще героическое сопротивление войск Эдмунда Железнобокого, но войска полегли, как трава под взмахами косы, а страну объединили под властью датской династии Кнуда Великого. Скандинавы заняли все важные и неважные посты в государстве, все ведущие роли играли только датчане и другие викинги.

В Оксфорде в тысяча восемнадцатом году собрали национальное собрание, где скандинавская и англосаксонская знать обговорили условия сосуществования двух наций в Англии.

Он тряхнул головой, мелькнула мысль, что история повторяется в точности. Норманны завоевали Англию, и теперь вся знать только норманнская, господа говорят на французском, а простые люди – на английском...

– Ерунда, – сказал он зло, – скандинавы и англосаксы слились в единый народ! И мы сольемся...

Еще одна загадка разрешилась, когда он прочел, что первым английским королем, признавшим, что датское право – это не чужие законы завоевателей, а тоже часть Англии, был Эдгар, он предоставил Данелагу внутреннюю автономию в социальных и правовых вопросах.

Возможно, сработало то, что викинги, ставшие уже англичанами, показывали себя прекрасными работниками, исправно платили налоги, а земли, которые они захватили, процветали.

Утро наступило настолько хмурое, что в жаркой солнечной Палестине, залитой беспощадным солнцем так, что высвечивает каждый уголок и нигде не оставляет тени, это сошло бы за глубокую безлунную ночь.

Он прислушался к орущим петухам, поднялся и пошел к окну. За спиной хлопнула дверь, это возник, похожий на грузного призрака, послушник Хильд с виноватой улыбкой.

– Не разбудил, ваша милость?

– Нет, – буркнул Гай. – Что тебе?

Хильд поспешно поклонился.

– Бумаги ночью подготовили, ваша милость! Так что позавтракаем и... можем отправляться.

Гай нахмурился.

– Что значит «можем»? А ты при чем?

Хильд снова поклонился, развел руками.

– Личный секретарь его высочества сэра Джозеф Сэмптон, стремясь получше выполнить волю его высочества, распорядился послать меня с вами, ваша милость. Дабы быть в помощь в толковании законов...

Гай в удивлении отшатнулся.

– Личный секретарь распоряжается и духовными людьми?

Хильд вздохнул.

– Не совсем так, но когда епископ Лонгчамп рядом, им договориться не так уж и трудно.

– Еще бы, – буркнул Гай, – ворон ворону... Мне жаль, что тебя подпрягают ко мне. У меня в последние годы характер подпортился.

Хильд спросил испуганно:

– В чем?

Гай ответил в раздражении:

– Непонятно? Раньше я был весь хи-ха да ха-ха, а сейчас так и тянет сразу в морду!.. Осточертело все. Одни рожи вокруг, куда делись люди?..

– Это правда, – согласился Хильд, – но все-таки все люди созданы Господом, как и людишки всякие мелкие... так что всяк отвечает перед Господом сам, не нам бить в каждую рожу, хоть и хочется.

Гай спросил с недоверием:

– Даже тебе хочется?

– Еще бы, – ответил Хильд. – Монахи отличаются от мирян тем, что умеют сдерживаться. А кулаки у нас одинаковые!

Глава 8

Сэр Джозеф все в таком же темном костюме, только крючки и бляхи не серебряные, а золотые, встретил Гая у выхода из замка.

– Вот ваши бумаги, – сказал он строго, – на владение землями. Вот предписание королевской канцелярии о назначении вас шерифом Ноттингемского графства, или шера, как говорят местные. В конюшне вас ждут две лошади, но это не подарок, а будет вычтено из вашего жалованья.

– Спасибо, сэр, – ответил Гай с осторожностью. – Этот мальчик тоже едет со мной?

Сэр Джозеф позволил своим замороженным губам изобразить нечто вроде улыбки.

– Этот мальчик, – произнес он, – весьма прыткий мальчик. Он еще как умеет ездить верхом...

То, как он это произнес, намекало на некую тайну, тем более что Хильд смиренно потупил глаза и даже шаркнул ногой, словно растирал подошвой сопли.

– А ему можно? – спросил Гай. – У нас монахи, помню, только пешком... да еще на ослах.

Сэр Джозеф поморщился.

– У вас были только тринитарии и матюрены? – поинтересовался он. – Кармелитам, насколько знаю, разрешено на муле.

Хильд пояснил самым смиренным голосом:

– Ездить на ослах или мулах – проявлять большее смирение, угодное Господу. Но Господь разрешает монахам пользоваться верховыми лошадьми, если в этом есть необходимость, а не потехи ради.

Сэр Джозеф сказал нетерпеливо:

– Тогда все. Берите коней и езжайте, сэр Гай! В первые дни там на месте постарайтесь просто уцелеть. Ни во что не ввязывайтесь, пока не поймете, куда вы попали.

Он повернулся и скрылся за дверью, а встревоженный таким напутствием Гай спустился с крыльца. Из конюшни им навстречу вывели двух коней, оба застоявшиеся, мотают головами и пытаются подняться на дыбы.

Гай побаивался за Хильда, но пока он сам уговаривал своего коня успокоиться и начинать верно служить новому хозяину, за спиной прогремел частый топот.

Он резко оглянулся, Хильд на крепкой лошадке описывает круги вокруг них, вид довольный, никакого страха в глазах, полы черной рясы развеваются, как крылья ночного демона.

Гай спросил с подозрением:

– На что намекал сэр Джозеф? Ты был конокрадом?

Хильд прокричал на скаку:

– Ваша милость! Да я и родился послушником!

– Не хочешь говорить, – буркнул Гай, – не надо. У меня свои дела разгрести некогда...

Утро мирное и солнечное, свежие кони вынесли их за пределы мрачного Лондона так быстро, что Гай не успел рассмотреть, что же здесь успело измениться, вроде бы все те же каменные громады домов, деревянные тротуары, лужи посреди дороги, где застревают даже ненагруженные телеги, и высокая каменная стена с частыми зубцами, из-за которых лучники могут бить вниз почти безнаказанно.

За Римской стеной Лондона высится башня Вильгельма Завоевателя, доминирующая над крытыми соломой и красной черепицей домами и бурной рекой. Хильд в ее сторону даже не взглянул, а Гай отдал честь великому полководцу и королю.

В сорока милях к северо-востоку, по дороге к столице, они миновали Рочестер, охранявший путь в Медуэй. Далее увидели, как в тридцати милях вверх по Темзе, охраняя еще один перекресток, на холме высится укрепленный Виндзор, за ним широко раскинулись заливные

луга Раннимеда. Там, где река вытекает из лесов, виднеются издали Уоллингфорд и Оксфорд. Еще дальше, посреди овечьих пастбищ и меловых холмов запада, высятся другие башни – Ньюбери в Кеннетской долине, Мальборо и Олд Сарум на Плейне, крепости долины Северна и Динского леса. Вдоль берега Ла-Манша, защищая его якорные стоянки и устья рек – Пивенси, Порчестер, Керисбрук и Корф, а на глухом кельтском юго-западе – Экзетер, Тремартон и Рестормель.

К северу от Лондона расположились цитадели, препятствующие вторжению со стороны восточных графств. Там такие же непроходимые леса, что очень успешно сопротивляются натиску человека. Хильд начал рассказывать, что в старое время здесь процветали поселения англосаксов: Колчестер и Фрамлингем, Беркхемстед и Нортгемптон, Линкольн и Ньюарк. Сейчас на их месте настоящие каменные крепости мрачно и зорко посматривают на охраняемые от чужаков земли, но следят и за местным населением, чтобы не вспыхивали бунты.

Наконец пошли пашни вслед за отступающими под натиском топоров лесами, а потом стена деревьев приняла их, сомкнулась за спинами, и кони дальше неслись в тени, воздух свежий, лесной, напоенный запахами клея, муравьиной кислоты и лесных цветов.

Хильд то и дело вырывался вперед, лицо горит восторгом, Гай поглядывал с растущим подозрением, в монастырь нередко уходят те, кто хотел бы укрыться от закона, а в движениях Хильда иногда проглядывает нечто, что опытному глазу воина говорит многое.

Он крикнул:

– Эй, Хильд! А ты давно в монастыре?

– Я же послушник, – ответил тот, придержал коня и поехал рядом, – а чтоб приняли, я должен семь лет покорно трудиться и проявлять смирение.

– Ого, – сказал Гай невольно. – Да, для тебя проявлять смирение особенно трудная вещь, да?

Хильд ухмыльнулся.

– Ваша светлость?

– И в то же время, – продолжил Гай, – ты где-то успел стать знатоком датского права.

Хильд сказал уклончиво:

– Ваша милость, даже уэссекское и мирсийское право отличаются друг от друга, хотя с чего бы, верно? Но Данелаг... о, это вообще что-то особое, ваша милость!

– Из-за скандинавскости?

– Точно, – подтвердил Хильд. – А оно, если честно, намного справедливее нашего. Главное же, что почти все наши короли весьма старались унифицировать... вот трудное какое слово!... унифицировать правовые системы обеих частей Англии...

– И что?

Хильд посмотрел в удивлении.

– Как что? Что видите. Ничего не получилось. Даже сблизить не удалось! В Англии одна система права, у нас другая. Так что изучайте ее хорошенько, иначе так вляпаемся, что за всю оставшуюся жизнь не отмоемся.

Они ехали нескончаемым лесом, лишь изредка пересекая открытые небу пространства, отвоєванные людьми у деревьев и таких же нескончаемых болот, и везде Гай видел эти укрепленные замки, укрепленные церкви и укрепленные монастыри, способные выдержать любую осаду.

Даже деревни обнесены высоким частоколом, ворота запираются на ночь, а утром распахиваются, выпуская стада в сопровождении пастуха. Города обычно защищены уже каменной стеной, что по мере разрастания города остается внутри, замыкая в кольцо Старый Город, а потом вырастает и новая стена, еще выше и неприступнее...

Они мчались весь день, давая коням небольшой отдых, но к вечеру одолели только треть пути.

Хильд порывался свернуть с дороги и отыскать деревню, хорошо бы с трактиром, однако Гай продолжал путь, пока глаза могли различить дорогу, затем остановил коня и сказал хладнокровно:

– Здесь и заночуем.

Хильд ахнул:

– Ваша милость?

Гай спрыгнул, конь вздохнул с облегчением, а когда Гай снял тяжелое седло, опустил морду к земле и даже попробовал сорвать различимую только по запаху травку.

– Что тебе не нравится? – поинтересовался Гай. – Святые всегда старались уединиться от мира.

– Ваша милость, я пока только послушник!

– Но будешь святым?

Хильд не уловил издевки, ответил очень серьезно:

– Ваша милость, о таком даже мечтать нельзя!

– Почему?

– Святыми становятся те, кого избирает Господь! А человеческие суетные желания он в расчет не берет.

Гай сказал бодро:

– Ну, и мы брать не будем. Ты как насчет поесть? А я пока разожгу костер... хотя могу выпасться и без него.

– С костром бы лучше, ваша милость! А я пока соберу... гм... на стол.

Гай у ближайших кустов собрал ветки, Хильд не успел разложить еду на чистой тряпице, как после двух ударов огнива вспыхнул огонек, тьма сразу торопливо отпрыгнула, страхась опалить роскошные черные крылья.

Костер разгорелся живо, весело, Хильд хоть и поглядывал с опаской в черноту, но присутствие уверенного крестоносца подавляет страх, а рядом, освещенные пламенем костра, иногда совсем по-домашнему всхрапывают кони.

Гай поужинал быстро и скупно, Хильд подивился, как мало рыцарь ест, говорят, это сарацины довольствуются горсткой сушеных фиников, а доброму англичанину не жить без здорового куска мяса, но крестоносцы многие привычки подцепили у сарацин.

Гай вытер пальцы о траву, взгляд его поднялся к небу в поисках россыпи ярких звезд, названия многих узнал там, в Палестине, однако тяжелое низкое небо едва не задевает головы, и он поспешно опустил взгляд.

– Что еще расскажешь о Ноттингеме? – спросил он.

Хильд взмолился жалобным голосом:

– Ваша милость, я еще не дожевал, а душа моя уже спит!

– Ладно, – буркнул Гай, – спи, существо...

– А вы, ваша милость?

– Посижу немного, – отрезал Гай хмуро, – подумаю, во что меня втокнули, да еще и ногой сзади с размаху...

Утро непривычно для Гая и привычно для Хильда хмурое, воздух сырой, промозглый, вязкий, липнет к лицу и забивает легкие, но Хильд не ворчит, другой жизни не знает, и Гай напомнил себе, что о жарких сухих днях пока придется забыть.

Кони идут бодро, далеко над лесом понимаются и медленно проплывают блестящие шпили монастырей, что строились среди болот или непроходимых мест, монахам нужно уединение для бесед с Господом, а когда проезжали мимо деревень и сел, то первое, что видели, – величественные башни, колокольни и шпили церквей.

Гай подумал, что хотя люди являются подданными короля, а таких королей в Европе сотни, но одновременно они же и подданные папы римского, единственного наместника Христа на земле. Ему повинуются точно так же, если не больше, и только вот эти церкви и монастыри и держат Европу воедино, не дают перегрызть друг другу глотки. Когда неведомый Саладин в дальних и почти сказочных краях захватил Святой Город христиан, то именно церковь сумела поднять всю Европу, заставила ощутить себя единым народом и двинула на освобождение Гроба Господня именно европейцев, а не французов, англичан или испанцев.

Хильд упомянул, что в Англии более семисот монастырей, так что сорок в графстве Ноттингемском – это совсем немного, куда больше здесь женских обителей, монашеских братств, церковных общин и часовен, их вообще не счесть, и если все в первую очередь обращают взоры к Кентерберу, Вестминстеру или Сент-Олбансу, они на виду, но еще более величественные и многочисленные островные монастыри Или, Питерборо, Кройленда или Торни – красиво и гордо возвышаются над бесконечными просторами заболоченной земли, непригодной ни для проживания, ни для земледелия... что, однако, руками трудолюбивых и умелых монахов осушается, возделывается и будет приносить такие урожаи, что они снова и снова посрамят владельцев плодородных земель.

Они ехали весь день и не встретили следов человека, только дважды останавливались, чтобы дать коням перевести дух, а сами немного отдыхали и трапезовали.

Потом тусклый вечер, солнце так и не появилось, а глубокой ночью Хильду пришлось вставать ни свет ни заря, но жестокий крестоносец уверял, что это и есть утро, самое лучшее время для завтрака и поездки.

Глава 9

Проснулся бедный послушник только от тряски в седле, кони все-таки ухитрились отдохнуть и долго шли бодрым галопом, прежде чем рыцарь смилоствился и перевел на легкую рысь.

Когда дорога не смогла больше протискиваться между лесом справа и лесом слева, она обреченно устремила прямо, пугливо шарахаясь от могучих дубов с простершимися над тропкой ветвями и робко огибая заросли густого кустарника.

Однажды Гай чуть придержал коня, лицо каменное, шепнул одними губами:

– Не вертись, не пугайся. Впереди засада.

Хильд вздрогнул, прошептал, еще не веря:

– Разбойники?

– Судя по запаху, да...

Они проехали еще чуть, справа и слева из кустов выбежали двое мужчин в лохмотьях, лица свирепые, в руках самодельные копья, лица грубые и злобные.

– Стой!

Гай оглянулся, там на тропке тоже двое, снова посмотрел на загромождающих дорогу.

– Что вы хотите?

– Слезайте с коней, – потребовал один. – Пояс тоже снимите и бросьте на дорогу.

Гай сказал мирно:

– Зачем это вам? Там меч, а он тяжеловат для ваших рук.

Разбойник не нашелся, что ответить, но зашелестел куст, сквозь него легко продрался широкий в плечах мужик с заросшей по глаза черной злодейской бородой. На поясе болтается короткий меч, мужик деловито вытащил клинок и встал перед конем Гая, чуть пригнувшись и показывая, что готов к схватке.

– Умный нашелся? – прорычал он таким густым голосом, что уже рев, а не голос. – Ничего, пробежишь голым до села, поумнееешь...

Гай кивнул.

– Наконец-то вожак...

Дальше Хильд не успел запомнить, что и как происходило: крестоносец выхватил меч так молниеносно, словно тот сам прыгнул в ладонь рукоятью вперед, конь дернулся наискось и сбил с ног левого разбойника с копьем, что слушал вожака и оказался не готов. В следующий миг сверкающая полоса стали рассекла вожаку голову, еще прыжок – и второй удар меча срубил наконечник копья разбойника справа и глубоко вонзился в его плечо.

Круто поворачивая коня, Гай успел нагнуться и рубануть поднывавшегося на четвереньки сбитого конем разбойника, а через мгновение уже промчался мимо опешившего Хильда и смял двух, что перекрывали отступление.

Всего два удара, что показались Хильду небрежно ленивыми, и новый шериф снова повернул вздрагивающего от возбуждения коня в прежнем направлении.

– Ну что, – спросил он нетерпеливо, – готов ехать?

Хильд едва нашел убежавший далеко в лес голос.

– Да... ваша милость... Но... как вы их!

Гай буркнул:

– Мужичье. Ни один из них не был воином. Даже их вожак, что при краденном мече. Ты видел, как он его держал? Такое простое движение не мог запомнить.

Хильд сказал с восторгом:

– Все равно вы троих... во мгновение ока! А те, что сзади... почему не бросились сразу?

– Они только для устрашения, – объяснил Гай. – Разве не видел, они вообще драться не умеют?

Хильд покачал головой, он видел пятерых страшных разбойников, а кто умеет из них что, а кто нет, ему не сказали. Правда, этому рыцарю как-то стало известно.

Он еще раз оглянулся на распростертые трупы.

– Не по-христиански как-то поступаем.

Гай поинтересовался:

– А как надо?

– Похоронить бы...

– Зачем?

– Чтоб звери не растаскали их кости, – объяснил Хильд простую истину. – Не надругались над убитыми...

– Надругаться может только человек, – буркнул Гай, – а звери все невинные твари. Поехали!

– Хотя бы молитву над ними прочесть!

Гай сказал ожесточенно:

– Так много славных рыцарей остались в жарких песках без погребения и отходной молитвы... и что меня интересует, попадут ли в ад эти разбойники?

Хильд перекрестился и сказал благочестиво:

– Для Господа нет разницы, кто где погиб! Всяк услышит трубу архангела Михаила, призывающую на Страшный Суд.

– Эти тоже услышат, – сказал Гай и пустил коня в галоп.

Хильд вздохнул и ударил коня пятками под бока.

Ему казалось, что прошла вечность, прежде чем конские копыта застучали по дорогам графства Ноттингем.

А Гай покачивался в седле и думал, что птицы с большой высоты видят только сплошной зеленый лес с редкими проплешинами, на которых теснятся города, замки, села с пашнями, что упираются в опушки так, что даже днем на поля выходят погнаться олени, кабаны и прочие звери.

Дорога опасливо обогнула массивный мрачный замок из серых глыб, настолько огромных, что даже непонятно, кто их поднимал на такую высоту.

Гай всматривался с настороженным профессиональным интересом. Замок на скальном основании, еще и насыпь, не взобраться с ходу. Высокие несокрушимые башни как между стенами, так и, видно по крышам, внутри двора. Наверняка за стенами прячется просторный двор, разделенный на зеленую часть и заднюю, где кузница, пекарня, прачечная, сам замок защищен не только высокими стенами, но вон внизу еще и ров, явно глубокий, подъемный мост, барбаканы...

Только большая армия, мелькнула невеселая мысль, с множеством катапульт и таранов может взять такой замок, да и то лишь в лучшее время лета, так как на открытом месте, продуваемом всеми холодными ветрами даже в июле, продержаться долго непросто.

А если еще учесть, что в таких замках живут в самом деле сильные и отважные люди, время от времени бросающие вызов королевской власти, что умеют и готовы сражаться, у которых прекрасные боевые кони, кованые доспехи и лучшее оружие, то становится понятно, почему короли говорят с ними почтительно и стараются все улаживать миром.

Он подумал невесело, что даже в Англии, где королевская власть сильна, как ни в одной стране Европы, король постоянно думает прежде всего о том, как стать хозяином в собственном доме, а если удастся, то как им остаться подольше.

Сейчас же в Англии так и вовсе тревожное положение: король оставил вместо себя править страной канцлера Лонгчампа, однако принц Джон с этим вроде бы смиряться не собира-

ется... Столкновения между ними доходят до вооруженных конфликтов, совсем недавно Ноттингем принадлежал всемогущему канцлеру, но после того, как принц Джон захватил его со своими сторонниками, Ноттингем снова за ним, и теперь у канцлера есть все основания ненавидеть этого нового шерифа, что будет распоряжаться в его бывших владениях...

Хильд вытянул руку, палец с обгрызленным по-простонародному ногтем уперся в горизонт и сковырнул там что-то темное.

– Сэр Гай, – произнес он с чувством, – вон ваш Ноттингем.

Гай даже привстал в стременах, стараясь рассмотреть вырастающую далеко впереди некую постройку. Хильд понял его нетерпение и, хлестнув усталую лошадку, заставил ее перейти в галоп.

Под копытами стучит сухая твердая земля, словно перенесся в Палестину под ее нещадное иссушающее и приводящее в иступление солнце, хотя здесь небо привычно закрыто тучами, а воздух никогда не сможет обжечь лицо.

Сердце сжалось, вместо обещанного города всего несколько десятков разбросанных вокруг приплюснутого холма домиков, коровы пасутся прямо между домами, а на самом холме руины замка, огромного и величественного... От крыши не осталось даже поперечных балок, дверей и окон нет, верх обращенной к небу стены разрушен, словно под ударами могучих камней из баллист или требушетов, а массивные камни скатились по склону к основанию пологого холма, что уже и не холм, а небольшая возвышенность посредине зеленой долины.

Кони перешли на шаг, Гай рассматривал домики и сараи с одинаковыми крышами из соломы, пахнет конским и коровьим навозом, доносятся мерные удары молота по железу, несет кислым со стороны дубилен, строения уходят за ту сторону холма, но сам городок мал, нет даже деревянной стены...

И все же он смотрел на деревню со смешанным чувством разочарования и нежности, те же гогочущие гуси на дорогах, как и в тот день, когда он покидал Англию, и те же куры, старающиеся обязательно перебежать дорогу перед скачущей лошастью или повозкой.

Все деревянное, как и принято у саксов и датчан, только кузница сложена из камней, больших, серых и неопрятных, закопченных даже снаружи.

Они поднялись на холм, провожаемые любопытными взглядами горожан, которых не отличить от сельских жителей.

Хильд нервно хохотнул, глаза его округлились, как у молодой совы.

– Здесь?.. Хотите здесь жить?

Гай пробормотал хриплым голосом:

– Конечно, не хочу...

– Откажетесь?

– Я уже принял, – ответил он с неохотой и подумал, какого же дурака сваял. – Кроме того, это был приказ...

– Но вы же рыцарь короля Ричарда!

Гай ответил с невеселой неохотой:

– Его Величество король изволил оставить на время своего отсутствия Англию на лорд-канцлера Лонгчампа и своего брата принца Джона. Так что я обязан выполнять приказы...

– Но это велел только принц Джон!

Гай двинул плечами.

– Но лорд-канцлер не возражал?

– Но и не подтвердил? – спросил Хильд. – Да, я слышал, принц медленно, но верно оттесняет Лонгчампа от руководства Англией. Так что да, лучше слушать принца?

Гай огрызнулся:

– Слушают того, кто отдает приказы. Я видел, что на троне сидит принц Джон!

Он соскочил на землю, бросил послушнику повод и вошел через дверной проем, где по бокам на месте металлических скоб рыжеют только широкие пятна, а на земле размытые дождями горки ржавчины. Внутри еще больше упавших сверху и раскатившихся камней, даже не видно, какой здесь пол.

В соседней комнате, это обширный зал, так же голо, мрачно и мертво, только под подошвами захрустел высохший звериный помет. Уцелел только остов замка да одна из башен, хотя и она без крыши, просто высокая каменная труба, устремленная в серое негостеприимное небо.

Двери в башню тоже нет, он вошел, поколебался, но рискнул на всякий случай попробовать подняться по узкой винтовой лестнице. Выстроено правильно, нападающим подниматься правым боком, а щит на левой оставался лишним грузом, в то время как защищающиеся встретят атаку именно левым, укрывшись щитами...

К его удивлению, лестница вывела к верхней площадке, только выйти туда не рискнул, пара прогнивших досок не выдержит даже волчонка. Правда, вот прямо под ногами засохший лисий помет, то ли звери поднимались сюда из любопытства, то ли пробовали достать отдыхающих здесь перелетных птиц.

Когда он спустился, Хильд уже бродил, переступая через мелкие камни и перелезая через большие глыбы, по залу и осматривался, задрав голову.

– А где кони? – спросил Гай.

Хильд мотнул головой.

– Там, за стеной.

– Нашел коновязь?

– Нет, придавил повод камнями.

Гай сказал недовольно:

– Смотри, если убегут – сам будешь ловить. Здесь вблизи деревни хоть какие-то есть?

– И не одна, – сообщил Хильд с готовностью. – Однако это область Данелага, ваша милость!.. Все крестьяне свободные люди, вам здесь никто не служит.

Гай поморщился.

– Тогда какой смысл в этом огромном наделе земли?

Хильд возразил:

– Не скажите, ваша милость. Вон тот лес – ваш, озеро тоже ваше. И ездят из некоторых земель напрямик через ваши. Можете брать плату за топтание.

Гай отмахнулся.

– Сам знаешь, я этого делать не буду. Ладно, посмотрю, что здесь за подвалы...

– Я подожду вас здесь! – крикнул Хильд.

– Трус, – обвинил Гай. – Привидений боишься? А еще монах.

– Привидений не существует, – ответил Хильд с достоинством, – Господь их запретил! А вот крыс за наши грехи нам оставил в напоминание. Они здесь даже весьма реальные, ваша милость.

Гай уже не слушал, впереди черный провал, широкие ступени, ведущие в темноту, сказал нетерпеливо:

– Дай-ка факел!

– Сейчас-сейчас зажгу...

Выбивал огонь он долго и неумело, Гай хотел было взять огниво из рук монаха, но наконец искра упала на смоченную маслом паклю, вспыхнул огонь.

Держа его на вытянутой руке, чтобы не обжечься, он спустился по крупным ступеням, повел факелом в стороны, разгоняя темноту.

Глава 10

Этот замок продолжает удивлять: самым подходящим для жизни помещением оказались именно эти подвалы. Целые залы. В одном обнаружилась уцелевшая коллекция пыточных инструментов, от простых щипцов до настоящей дыбы, правда, с перегнившими или обрезанными ремнями, а еще несколько небольших комнат с сохранившимися дверьми из толстых четырехгранных прутьев из закаленного железа.

Сверху послышался вздох, там появилась фигура молодого послушника.

– Чего тебе?

– Да так, – сказал тот дрожащим голосом, – неуютно как-то... Ого, как тут здорово!

– Что здорового? – спросил Гай хмуро.

– Осталось только навесить замки, – сообщил Хильд бодро, – и камеры для заключенных готовы.

– Знаешь, – буркнул Гай, – нам о себе бы подумать сперва.

– А что? – спросил Хильд. – Можно сперва и в камере! Зато будете знать, как в них.

– Уже знаю, – ответил Гай коротко.

Он поднялся наверх, загасил факел и убрал в седельный мешок. Хильд поднялся следом, бодро потер ладони.

Гай посмотрел на него с подозрением.

– Вам понадобится помощь, – объяснил Хильд.

Гай отмахнулся.

– Не поверишь, но я все умею делать сам. И дерево тесать, и камни таскать. Могу и стену сложить, и окна вставить...

Хильд покачал головой, в глазах было осуждение.

– Так все лето провозитесь. А когда работу шерифа делать?.. Нет, ваша милость, нужно позвать на помощь мужчин из деревни. Они помогут...

Гай подумал, посмотрел на громаду замка, махнул рукой.

– Ты прав, мне тут одному всю жизнь таскать камни. Поедем, у меня осталось немного денег, найму на работу.

Хильд сказал быстро:

– Они и без денег сделают! Вы же на королевской службе! Вам обязаны помогать...

– Ничего не обязаны, – ответил Гай твердо. – С этого и начинаются злоупотребления служебными полномочиями. Нет, я заплачу за все и сам буду работать наравне с ними!

Хильд вздохнул.

– Хорошо, что и не расседывал. Давайте прямо в село Ягодное, это самое крупное, народу там поболее, найдутся свободные люди, что захотят подработать.

– Хорошо, – сказал Гай, – а ты пообщайся с местными. Узнай их нужды, чего ждут от шерифа, чего боятся. Много ли тут воря и всякого непотребья...

– Все сделаю, ваша милость, – пообещал Хильд. – Поскорее возвращайтесь.

Дорога кривая, колчеватая, если бы не верхом, напрыгался бы в телеге, подковы иногда высекают искры о спрятавшиеся в земле камни.

Впереди в низине густой туман, иногда легкий ветерок сбивает его в такие густые комья, что задавят, если попасть под них. Он вскоре ощутил, что весь покрывается капельками влаги, конская сбруя блестит этими мелкими жемчужинками, а когда моргнул, с ресниц сорвалась капля, даже на носу еще одна, это уже совсем не дело...

Туман тревожно напоминал темно-синий дым пожарищ, а когда в одном из домов увидел свет, то через туман тот показался ему огнем костра, на котором сарацины жарят добычу. Конь шел по дороге уверенно и размашисто, у него есть и другое чутье, кроме зрения.

Дома потянулись с двух сторон дороги, туман опустился к конским копытам и наконец с сожалением остался позади, ибо деревня умненько вскарабкалась на пригорок и вся располжилась там, поджав лапки.

Пахнуло ароматом свежего хлеба, он вдруг ощутил звериную жажду тепла и уюта, чего был лишен с детства.

Возле первого же дома в нетерпении остановил коня.

– Эй, – прокричал он, – здесь что, все вымерли?

Из ближнего дома высунулась лохматая голова старухи, она вгляделась в него подслеповатыми глазами и прокричала визгливым, дребезжащим голосом:

– Езжайте дальше, господин!.. Сейчас все в поле...

Гай тронул коня, тот охотно понесся дальше, за околицей простор, а дальше зеленые квадраты полей, где межа только угадывается, настолько зеленые стебли, только-только наливающиеся восковой свежестью, стоят плотной стеной.

Он увидел крестьян, что равномерно распределились по краю поля и что-то делают, наклонившись и выставив зады, пустил коня к ним. В это время из-за темной стены высоких деревьев, куда вплотную подошли поля, выметнулся храпящий олень, повел по сторонам безумными глазами и, ослепленный ярким светом дня, ринулся прямо через посевы.

Следом, едва не разбиваясь о деревья, выметнулись с диким криком, гиком и свистом всадники на таких же храпящих, как и олень, конях. Олень, уже ничего не соображая, понесся через густые заросли пшеницы, прокладывая грудью просеку, а за ним ринулись пятеро всадников.

Крестьяне закричали в панике, гибнут посевы, Гай вскипел и бросился наперерез с криком:

– Стоять!.. Именем короля!

Передний всадник натянул повод так резко, что конь встал на дыбы. Двое пронеслись мимо на храпящих лошадях, еще один остановился, а последний, поколебавшись, пустился вслед за двумя, преследующими оленя.

Всадник похлопал по шее коня, успокаивая, крикнул гневно:

– Что за тля смеет останавливать меня, барона Анселя Тошильдера?

– Ты не лорд, – процедил Гай сквозь стиснутые челюсти, – а сам тля! Я арестовываю тебя, сволочь, именем короля!

Он ощутил, что его затрясло от бешенства. Всадник прогрохотал в недоумении:

– Да что ты за дрянь? Откуда?

– Шериф Ноттингема, – ответил Гай. – Гай Гисборн. Волей принца Джона, временно замещающего короля Ричарда, назначен следить за порядком. Я арестовываю вас, сэр, за потраву поля и приведение его в негодность, а с этого поля крестьяне должны платить налоги!

Барон Тошильдер, вскипев, замахнулся плетью. Гай не ожидал удара, просто не мог поверить, что его, рыцаря, может ударить плетью другой рыцарь. Полоска кожи распорол рукав и кожу до локтя и кончиком хлестнула по скуле, рассклещив ее до крови.

Он ощутил ту звериную ярость, что взрывалась в нем в минуты самых яростных схваток с сарацинами. Почти не соображая, что делает, он ухватил барона за руку, дернул, и тот с грохотом ударился о землю.

Второй всадник закричал всполошенно:

– Лорд Ансель!

Барон, с трудом ворочаясь на земле, как полураздавленная огромная жаба, прохрипел:

– Убей его!

Всадник, недолго думая, ринулся на Гая с поднятым мечом. Тот качнулся в сторону, перехватил кисть, а когда конь пронесся мимо, а всадник грохнулся на землю рядом с бароном, в ладони Гая уже был зажат вывернутый из руки нападавшего меч.

– Ты тоже арестован!

Всадник с рычанием выхватил нож и прыгнул на него, как дикая лесная кошка. Гай даже не успел подумать, как поступить, руки сами сделали то привычное, что спасало шкуру в боях, когда думать поздно.

Парень напоролся на меч, изо рта плеснула кровь. Гай поспешно выдернул клинок и подал коня назад. Несчастный упал на землю, не выпуская из ладони рукояти ножа.

Барон поднялся, вытащил меч и заорал люто:

– Сволочь!.. Да я тебя...

Гай, чувствуя, как звериная ярость затуманивает мозг, коротко взмахнул мечом. Послышался хруст рассекаемой плоти и тут же смачный хряск разрубаемой кости. Рука барона с зажатым в ней клинком упала на землю.

За спиной послышался нарастающий конский топот. Все трое, что гнались за оленем, теперь повернулись и мчались на него, выхватив мечи. Положение безвыходное, он быстро развернул коня, тот фыркал и пытался вырваться, но Гай удержал повод и сам вскинул меч с криком:

– Кто поднимает руку на шерифа, тот поднимает на короля!

Двое начали придерживать коней, но третий неся, уже привставая на стременах, занес меч для страшного рубящего удара сверху.

Гай выждал, в какой-то момент заставил коня дернуться вперед, сам пригнулся и полоснул мечом, не глядя, как делал уже сотни раз в жарких боях за Акру и сотни других крепостей, больших и малых.

Грохот копыт пронесся мимо, а с ним и слабый вскрик. Оглянувшись, Гай увидел, как всадник теперь согнулся, меч выпал из руки и блеснит сиротливо на сломанных стеблях пшеницы, а его хозяин ухватился обеими руками за живот и начинает раскачиваться в седле.

Гай не стал ждать, когда тот рухнет в пшеницу, снова истопчет, сволочь, обернулся к двум всадникам, что с бледными лицами смотрят на него, глаза вытаращены, а губы начинают дрожать.

– С коней! – приказал он люто. – Быстро!

Они оба покинули седла быстро, позабыв про спесь высокорожденных, смотрят испуганно, обоим лет по восемнадцать-двадцать, сопляки, хотя он в восемнадцать уже высаживался с другими крестоносцами на жаркий берег неведомой страны.

Гай бросил быстрый взгляд на замерших вдали крестьян.

– Эй, там! – крикнул он властно. – Быстро веревки сюда!.. Две... нет, три!..

Крестьяне забегали, наконец двое побежали к нему с мотками толстой грубой веревки из шерсти. Один из дворян, немного придя в себя, сказал возмущенно:

– Нас? Связывать?.. Разве недостаточно нашего слова?

– С таких ничтожеств слово не берут, – отрезал Гай. – Эй, вы двое! Быстро связать им руки!.. А вы... руки назад!

Один покорно протянул руки, второй остался стоять неподвижно, в его темных глазах разгоралась злость. Он прямо посмотрел в лицо Гаю и процедил:

– Что-то слишком много на себя берешь, шерифчик...

Гай соскочил на землю, юноша бесстрашно встретил его лютый взгляд.

– Ты кто? – спросил он.

– Дарси Такерд, – ответил он. – Из рода Максимилианов!

– Ты дерьмо, – сказал Гай, – позорящее имя Максимилианов.

Тот не успел моргнуть, как тяжелый кулак с силой молота ударил его в лицо. Смельчак рухнул, как подрубленное дерево, из разбитого рта струями брызнула алая кровь. Крестьяне одни опешили, но кто-то вскрикнул в восторге, а Гай еще пару раз злобно ударил ногами под ребра, стараясь рыцарскими шпорами разодрать богатую одежду и нанести раны.

– Соппротивление аресту, – прокричал он люто, – вообще-то карается смертью. Но я милостив.

Избитого подняли, связали так крепко, что руки могут вообще отсохнуть, если не развязать вовремя, но Гай промолчал, пусть крестьяне хоть так выместят обиды.

Раненый барон выл и ползал по земле, ломая стебли. Гай велел двум крестьянам перетянуть узлом потуже обрубок, чтобы пострадавший не истек кровью, а испутившего дух парня уложили на плащ, увязали покрепче, затем погрузили на коня.

Гай указал на двух самых дюжих крестьян с решительными лицами, это они первыми бросились вязать лордов.

– Вы со мной. Назначаю вас помощниками шерифа! Пока временно, а там разберемся.

Оба остоленели, один вскрикнул:

– Но, ваша милость, нам нельзя! У нас работы полно!

Он прервал:

– Я тоже не родился шерифом. Надо, поняли? Вы же видите, что творится?.. Как только подберу кого-то, вам спасибо, свободны. Сейчас же быстро на коней, если умеете ездить, погоните это знатное дерьмо к моему замку. Это мои комнаты еще не готовы, но в подземной тюрьме места еще на десяток таких хватит.

Второй крестьянин, что смотрел больше с восторгом, чем с испугом, сказал с восторгом:

– Ваша милость!.. Да я за такое теперь и умереть готов!.. А как с тем, у которого все кишки вылезли?

Гай спросил все еще зло:

– Он жив?

– Да, ваша милость! Но это ненадолго.

Гай подумал, махнул рукой.

– Сделайте волокушу. Отвезем и его в тюрьму, но позовите туда священника. Пусть примет последний вздох. Господь наш добрее меня, может быть, и простит.

За ними увязалась целая толпа крестьян, даже женщины шли некоторое время и жарко обсуждали случившееся, потом отстали. Кроме двух названных помощниками шерифа, до замка пошли еще семеро с топорами, вилами, а двое даже с луками за спинами.

Ярость быстро утихла, теперь сердце сжимается в недобром предчувствии. С первого же дня вот так вступить в спор с сильными соседями...

Крестьяне громко разговаривают за его спиной, двое связанных идут покорно, повесив головы, но когда Гай оглядывался на них, один поспешно опускал взгляд, а второй, который Дарси Такерд, зыркал злобно, кривил окровавленный рот, но тоже отводил взгляд в сторону.

Крестьяне из домов у подножия холма провожали их заинтересованно-удивленными взглядами.

Хильд выбежал навстречу уже из замка. Гай издала помахал рукой и крикнул:

– Приготовь две камеры!.. И подальше одну от другой, понял?

Хильд, судя по его лицу, ничего не понял, но угодливо поклонился.

– Будет сделано, ваша милость!.. Как скажете, милостивый и грозный господин!

Он малость переигрывал, но кто это поймет, на новом месте каким себя покажешь, таким и принимают.

Гай остановился перед стеной, где послушник придавливал конский повод камнями, бросил его одному из крестьян.

– Позаботься о коне!.. А ты, как тебя зовут?

– Скальгрим, господин, – ответил тот, кого он первым определил в помощники шерифа.

– Скальгрим, – сказал Гай. – Надо было тебе сказать, чтобы захватил из кузницы пару крепких замков... Если там не отыщешь, поспрашивать в деревне. А то этих запереть надо, понимаешь?

Скальгрим, могучего сложения мужик с суровым лицом, воскликнул:

– Ваша милость! Да для такого дела я хоть на край света сбегаю быстрее зайца!

– Возьми моего коня, – велел Гай. – И возвращайся побыстрее, а тот твой друг устанет их стеречь...

Скальгрим перехватил повод коня из руки крестьянина, тяжело взобрался в седло и, развернувшись к селу, понесся рысью, а потом перешел в галоп.

Гай повернулся ко второму.

– Как зовут тебя?

– Сван, господин, – ответил второй почтительно. – Слушаюсь, господин. Приказывайте, господин!

– Вот тебе первый приказ, лебедь, – распорядился Гай. – Гони этих двух вон в тот подвал. Там несколько камер, посадишь в самые отдаленные одна от другой. И жди там, пока не придет твой дружок Скальгрим. Выходить этим преступникам не позволяй. Если что, бей прямо в морду. Сейчас они не лорды, понял? А ты – лорд, потому что ты – закон!

Глава 11

Скальгрим вернулся не только с замками, но и с кузнецом. Тот сперва неспешно приклепал скобы и вставил в них засовы, поправил решетки, затем хозяйски обошел весь замок, осмотрел и заверил, что на самом деле работы не так уж и много.

Гай жадно выспрашивал свидетелей происшествия, как здесь живут и в каких взаимоотношениях, и выяснилось: барон Ансель Тошильдер изволит жить, как в завоеванной стране, благо с того времени, как корону принял Ричард, власть в графстве почти исчезла, и теперь прав тот, у кого длиннее меч.

В этот раз он, как обычно, возжелал поохотиться со своими сыновьями и оруженосцами. Он любит охоту и не представляет, что ему, гордому норманну, потомку завоевателей, могут помешать эти жалкие саксы, потомки побежденных.

Гай поморщился, эти люди будто проспали сто лет, а сейчас говорят, как в горячем бреду, совершенные глупости. Ну какие саксы, какие норманны, когда со дня завоевания Англии Вильгельмом прошло сто тридцать лет?

К тому же с Вильгельмом вторглось всего пять тысяч рыцарей, это между ними были распределены почти все земли, саксам осталось меньше одного процента территории Англии, однако пять тысяч – это капля в море местного населения, которых миллионы. Народы начали смешиваться сразу же после завоевания, многие норманнские бароны взяли жен из саксов буквально в первые же дни, а знаменитый герой Робер де Оилли, лорд Оксфорда и его земель, женился на саксонке сразу же после окончания битвы при Гастингсе, где Вильгельм одержал победу над англосаксонскими войсками.

– Саксы, – пробормотал Гай. – А здесь, как я понимаю, больше датчан, чем саксов?

Скальгрим кивнул.

– Да, ваша милость. По моему имени видно, что в честь Эгиля Скальгрима, великого викинга! А мой друг – Сван, хотя еще тот лебедь, но тоже понятно, кто мы по роду...

– Все мы англичане, – прервал Гай. – Давно пора забыть, что прадеды наши дрались. Для нас возврата нет, надо уживаться. Разве наши прадеды все до единого, будь то сакс, датчанин или норманн, не принесли присягу верности Вильгельму Завоевателю?.. Ну вот. Теперь что насчет разбойников? Вся страна погружается в беззаконие, а здесь, говорят, так и вообще...

Скальгрим помрачнел, наклонил голову.

– Ваша милость, сейчас вообще хоть не выходи из дому. Скот могут отобрать среди бела дня. А в лес так и вовсе... Не только разденут и разуют, но еще и наиздеваются.

– А женщины?

– Женщины, – ответил Скальгрим серьезно, – даже к опушке не подходят! Стыдно сказать, коровыми лепешками топим, чтобы похлебку сварить... Летом еще ничего, а зима придет?

Гай кивнул.

– Хорошо, иди пока. Поговори с кузнецом, он вроде бы знает, как восстановить замок. А я пока буду думать...

Скальгрим удалился, а он еще раз прочел обязанности шерифа, которые начинаются с того, что должен руководить выборами в графствах, назначать бейлифов, коронеров и констеблей, созывать суд присяжных и предлагать на их рассмотрение дела, он же исполнитель всех судебных приговоров...

Но самое главное – в следующей строке, где обязан вовремя пресекать преступления в графстве. У него право ареста и право делать обыски, к нему стекаются штрафы и конфискации, на нем обязанность поддерживать мир в графстве, именно он принимает первые меры к подавлению беспорядков и мятежей...

Голова загудела, а сердце неприятно стиснули невидимые пальцы. Похоже, принц бросил его в самый ад. Все предыдущие статьи его обязанностей можно было пропустить, все укладывается в эти заключительные слова: обязан поддерживать мир в графстве и принимать первые меры к подавлению беспорядков и мятежей.

А здесь и кроется самое опасное: где провести грань между простым недовольством, выкриками и угрозами, даже отказами платить налоги и началом беспорядков?

Хильд объехал все ближайшие деревни, представил Гаю сорок мужчин, но семерых Гай забраковал, больно покорный и боязливый вид, мало мужского достоинства, из оставшихся велел выбрать по жребии двенадцать человек.

К его тайному удовольствию, ни один не отказался стать судьей барона Тошильдера и его людей. На его родине все было бы наоборот: из сорока разве что один-два виллана решились бы выступить против господ, но здесь потомки викингов, они все и сейчас свободные люди, как их отцы-прадеды.

Хильд снова и снова напоминал Гаю, что присяжные должны постоянно проживать в данной местности, иметь недвижимость и быть мужского пола. Голосование тайное, приговор объявляется ночью, чтобы присяжные не видели лица жертвы и не могли над ним сжалиться...

– Потому, – сказал он, рисуясь ученостью, – богиню правосудия Фемиду изображают с завязанными глазами.

– Какая еще богиня? – спросил Гай грозно. – У нас один Господь, а святая Дева – не богиня, а только мать Иисуса.

Хильд торопливо поклонился:

– Прошу прощения, ваша милость! Я хотел сказать, что у варварских народов, куда мы принесли свет истинного учения, была такая. Ведала судом.

– Женщина?

– Точно, ваша милость, – подтвердил Хильд. – Еще и красивая.

– Совсем одурели, – сказал Гай. – То-то мы со своей верой и смахнули таких богов и богинь, как пыль с могильной плиты... Ладно, забудь, а я никому не скажу, что ты тайком поклоняешься языческим идолам.

Хильд вскричал испуганно:

– Да не поклоняюсь я, ваша милость! Просто ученостью хвастаюсь! Вот как вы подвигами.

– Я разве хвастаюсь? – спросил Гай.

– Ну, самую малость...

– В чем же?

– Как вы в Палестине всех раскидывали десятками...

Гай нахмурился.

– Ничего я такого не говорил. А ты не придумывай, чтобы шкуру свою поганую спасти! А то буду ловить на слове и всякий раз дознаваться, когда я такое сказал! Мне надо учиться быть допытливым. Недаром ж подвалы оснащены так знатно...

Хильд поклонился, пролепетал, что все осознал и больше не будет, метнулся в угол и примчался на цыпочках, как цирковой медведь, изображающий женщину, с толстой книгой в обеих руках.

– Ваша милость! – сказал он преданно. – Я тут перерыл для вашего блага и благополучия все хроники и документы по законотворчеству! Как интересно... В общем, надо попробовать досудебное урегулирование в форме сделки о признании вины.

– Это как? – спросил Гай с недоверием, но сердце трусливо трепыхнулось в надежде избежать приближающихся неприятностей. – Можно без суда?

– Очень просто, – заявил Хильд победно. – Я же молодец, я все разузнал, все перепроверил!

Гай сказал в жадном нетерпении:

– Ну-ну, ближе к делу.

– Так вот, – продолжил Хильд. – Суть в том, что обвиняемый признает себя виновным в совершении менее тяжкого преступления, чем вы ему вменяете, а в обмен на это вы порекомендуете суду присяжных назначить более мягкое наказание. Понимаете?

– С трудом, – признался Гай. – Мои руки больше привыкли к тяжести меча, а не гусиного пера, да и голова хорошо работает только насчет того, как лучше захватить крепость или оборонять замок... Но я поговорю с баронетами...

– Может, – сказал Хильд, – сперва с крестьянами?

Гай покачал головой.

– Что толку, если эти спесивцы не согласятся? С крестьянами я договорюсь быстрее.

Он спустился в подвал, в ближайшей ко входу камере лежит на охапке прелой соломы Дарси Такерд, оруженосец, присланный из другого конца Англии, чтобы барон Тошильдер выучил его на рыцаря и научил манерам благородного человека.

Дарси при виде входящего шерифа приподнялся и сел, глядя на него исподлобья. Гай поколебался, вряд ли с этим получится, лучше бы начать с его напарника, но сказал на всякий случай спокойным и холодным голосом:

– Встать, когда перед тобой рыцарь.

К его удивлению и тайному удовлетворению, заключенный не просто встал, а вскочил и замер неподвижно, глядя в жестокое лицо крестоносца.

– Ты будешь обвинен в нападении на должностное лицо, – произнес Гай холодно. – На шерифа, который олицетворяет собой королевскую власть и принца Джона лично. Такое карается смертью. Что скажешь?

Тот пролепетал, вздрагивая всем телом:

– Но я... дворянин... мой отец... граф Эдмонд Бесстрашный!

– И что? – спросил Гай брезгливо. – Я тоже дворянин. И с королем Ричардом мы в походе ночью укрывались одним плащом... Боюсь, теперь твое происхождение не поможет. Хотя, конечно, тебя не повесят, как простого крестьянина, но когда отрубят голову... это тоже вроде бы не совсем радостно.

Он видел, как тот вздрогнул всем телом, глаза округлились в ужасе, а лицо стало белее мрамора.

– Но это, – пролепетал он, – просто ошибка!

– В чем?

– Мы же, – проговорил оруженосец несчастным голосом, – дворяне... мы гнались за оленем! Мы не виноваты, что тупое животное выбежало прямо на поле!

Гай постарался усмехнуться жестоко, даже свирепо, этот мальчишка черпал наглость в бароне, а предоставленный себе, растерял последние остатки мужества.

– Это барон так сказал?

– Да...

– Твой барон дерьмо, – отрезал Гай. – Настоящий мужчина никогда не ищет оправданий. Если прав – прав, если виноват – виноват! А ты либо не мужчина, либо у тебя своей головы нет.

Оруженосец опустил голову.

– Мы просто следовали за бароном.

– Не того учителя вам выбрал отец, – сказал Гай.

Оруженосец взглянул исподлобья.

– Он когда-то отличился, как отец сказал, в сражении у реки Быстрянка, а в битве за крепость Найтауэр первым взобрался на стену и водрузил знамя на главную башню. Ему сам Генрих II пожаловал в честь этого герб со знаменем на башне!

Гай жестко усмехнулся.

– Да? И потому барон решил, один против пятерых не посмеет и слова сказать?.. Я – Гай Гисборн, сам Саладин отметил мою отвагу, и когда под королем Ричардом убили коня, благородный Саладин прислал ему двух коней: одного королю, другого – герою, который тоже потерял коня и дрался с королем рядом, закрывая его щитом и своим телом... это мне! И вы ждали, что я отступлю перед деревенскими увальнями, что и мечей держать не умеют? А барон давно растерял за обильными пирами умение прежнего удалого бойца.

Юноша смотрел на него, глупо вытаращив глаза и распахнув рот. Наконец пролепетал:

– Мы... не знали... кто вы... думали, просто шериф...

Гай кивнул.

– Ладно, теперь знаешь. Но мой гнев уже прошел, я не хочу твоей смерти. Мне ученые люди подсказали, как спасти твою шкуру. Вы со своим приятелем признаетесь в потраве посевов и обязуетесь выплатить штраф... это уже крестьяне скажут, какой... а я снимаю с вас обвинение в том, что хотели убить королевского шерифа.

Оруженосец вздрогнул, в глазах проступила безумная надежда, он упал на колени и сказал умоляюще:

– Да, да!.. Я согласен!..

– Ну вот и хорошо, – ответил Гай, повернулся, чтобы уйти, потом вспомнил и сказал строго: – Но это только в отношении вас двоих!.. К тем троим не относится. Двое убиты, когда я защищал свою жизнь, а барон потерял руку. Ему тоже не будет никакого наказания, так как он... уже наказан, скажем так.

Оруженосец торопливо кивнул.

– Да, так и было. Я все так и скажу.

Гай повернулся и побыстрее вышел, чтобы скрыть торжествующую улыбку. Почему-то казалось, что придется выдержать тяжелую схватку на поле, где он совсем не боец, но мальчишка слишком напуган, сдался, готов принять любые условия.

Хильд ждал в нетерпении, а когда Гай поднялся наверх, тут же подбежал со всей торопливостью, как перегретая на солнце ящерица мчится навстречу добыче.

– Ваша милость?

Гай кивнул.

– Получилось.

Хильд вскрикнул радостно:

– Точно? На каких условиях?

– Все, – сказал Гай, – как ты и сказал. Вот уж не думал, что получится именно так.

– Почему?

Гай пробормотал:

– Ну... суд – это суд. А это вот соглашательство как-то даже и нехорошо вроде. Нечестно.

Хильд сказал с некоторым удивлением:

– Мой лорд, чему удивляетесь? На самом деле из ста судебных дел лишь одно доходит до суда присяжных. Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления и заключения им сделки со стороной обвинения исключает слушание дела присяжными! Все девяносто девять дел завершаются заключением сделок. И это хорошо.

– Чем же?

– Человек понял свою вину, – ответил он рассудительно, – осознал, что был не прав, не упрямится, сокращает расходы на судопроизводство...

Гай проговорил с сильнейшим сомнением:

– Ну, разве что осознал... Хотя, конечно, все доводить до суда – жить будет некогда.

Глава 12

Сумма, полученная в результате сделки с правосудием, явно недостаточна, чтобы отстроить замок, однако Гай повеселел, пустил клич по деревням насчет постоянных помощников шерифа за достойную оплату, и уже на следующий день к нему начали приходить желающие.

Первых он отверг с ходу – подвыпившие крестьяне, которым захотелось получать жалование и ничего не делать, затем, когда следующие и следующие приходили такие же, пришел в отчаяние и велел прийти позже, когда он, дескать, наметит десяток, а затем отберет лучших.

На седьмой день, когда уже уверился, что работать ему в одиночку, на дворе заржал его конь, предупреждая, что приближаются конные.

Гай опоясался мечом и выбежал наружу через пустой дверной проем. Возле его коня с лошадей спрыгнули разом двое ладных и крепко сбитых мужчин, у обоих за плечами длинные луки, на широких кожаных поясах короткие мечи, по кинжалу и фляге. Одеты просто, но добротно.

Гай пошел навстречу, оба окинули его оценивающими взглядами.

– Что угодно? – спросил Гай настороженно.

Один ответил с легким поклоном:

– Ваша милость, меня зовут Беннет, а это мой друг Аустин. Прошел слух, подыскиваете помощников.

Гай кивнул.

– Все верно. Хотели бы поработать?

Беннет кивнул.

– Да, если подойдем.

– Что умеете?

– Мы лучники, ваша милость, – сказал Беннет, а его друг кивнул. – Пришлось и в войнах поучаствовать, нас били, и мы били... Вообще-то у нас есть работа, неплохая даже, но до нас дошел слух, как вы умело управились с бароном Тошильдером и его людьми... Для нас было бы честью работать с вами.

Гай оглядел их критически, оба выглядят бывалыми воинами, собранные, жилистые, суровые, привыкшие к трудностям, совсем не то сырье, что приходило раньше.

– Приняты, – сказал он. – Но если до вас дошли слухи, то знаете...

Он замаялся, не зная, как объяснить то затруднительное положение, в каком находится, выручил Хильд, сказав нараспев:

– В Священном Писании сказано: птицы имеют гнезда, звери имеют норы, только сын человеческий не имеет логова, и негде ему преклонить голову... Наш лорд Гай Гисборн как раз такой сын человеческий.

Лучники переглянулись, Беннет кивнул с хмурой улыбкой.

– Мы это знаем. И что из деревень сюда уже везут лес, идут плотники, каменщики, столяры.

Гай пробормотал:

– Тогда вы знаете больше, чем я.

Беннет ухмыльнулся.

– Просто мы обогнали по дороге целый обоз. Люди увидели, что вы их действительно защищаете.

Вечером они сидели в пустом зале на раскатившихся камнях, в камине полыхают поленья, Хильд разложил на самой большой глыбе скудную еду, Аустин вытащил флягу с вином, а когда пустил ее по кругу, Хильд достал из мешка толстую книгу со сводом законов и начал

занудно, рисуясь ученостью, объяснять, что шериф руководит народными выборами в графствах и назначениями коронеров, хотя Гай пока не мог представить себе, как это – руководить выборами, еще шериф созывает суд присяжных, предлагает на их рассмотрение дела и является исполнителем всех судебных приговоров, на нем также обязанность пресечения преступлений, для чего пользуется правом ареста обвиняемых и правом делать обыски...

Беннет крикнул довольно:

– Важная мелочь.

– Какая же это мелочь? – спросил всегда серьезный Аустин. – Это половина дела. Хотя и трудно представить, что вот такой голоштаный, даже спать негде, а будет делать обыски.

Хильд продолжил чтение:

– К шерифам стекаются штрафы и конфискации, на них лежит обязанность поддерживать мир в стране... наверное, имеется в виду графство, а страна... да пусть сама о себе заботится!.. шерифы принимают первые меры к подавлению беспорядков и мятежей. Для выполнения этих разнообразных функций шерифы содержат из личных средств несколько помощников...

Беннет поинтересовался осторожно:

– Насчет обысков не все ясно...

– Что?

– К крестьянину, – сказал он, – да, сможем. А как насчет лорда? Сможем ли вломиться, скажем, к графу? Я молчу, что графы живут в неприступных замках, а охраняют их лучше, чем королей... меня интересует, сможем ли? Это все-таки графы! Такого еще не было. А мы не совсем, так сказать, графы.

Они с ожиданием смотрели на Гая, тот задумался, наконец сказал без особой уверенности:

– Мне кажется, принц Джон не случайно сунул в шерифы именно меня. Я повидал мир, он это знает, спал под одним плащом и с простыми воинами, и с королем Ричардом. Это значит, не оробею. Но вот стану ли...

Помолчали, наконец Беннет сказал осторожно:

– Думаю, это тоже учел, про принца говорят, что он царицу всех змей обхитрит! Вы крестоносец, ваша милость, а это значит, для вас все люди – братья. Значит, не посмотрите, кто кого обидел: граф крестьянина или крестьян графа.

– А зачем это принцу? – спросил Аустин в недоумении. – Ему лучше дружить с графами, чем с крестьянами.

– Крестьяне ему на голову не садятся, – пояснил Гай, – а вот лорды... Как я понял, давая шерифам такие права, он укрепляет свою власть. Но если мы зарвемся, а графы на принца надавят, он легко отступится от нас. Сделает вид, что мы все делаем самовольно и без его ведома.

– По закону, – напомнил Хильд важно, – абсолютно все жители Англии уплачивают налоги и подсудны одним и тем же судам. Будь ты простой сокмен или крупнейший и богатейший лорд в огромном и неприступном замке. Другое дело, что не всякий лорд захочет явиться в суд и тягаться там с простым крестьянином!..

Беннет буркнул:

– И король ничего не может сделать. Их таких много, не посылать же на каждого армию.

Хильд положил на стол книгу, долго отыскивал нужную страницу, а потом важно и нарастающим тоном прочел:

– Шериф занимается королевскими финансами, является главой местной юрисдикции, возглавляет войско графства. Два раза в год совершает судебные объезды, во время которых специальные комиссии присяжных в каждой сотне сообщают ему обо всех правонарушениях,

совершенных в графстве. На собраниях графств под надзором шерифа совершаются различные сделки.

Беннет удивился:

– Возглавляет войско графства? А оно есть? У каждого барона своя дружина, которой он платит жалованье, и потому подчиняется только ему... а что шерифу?

Аустин пробурчал:

– А что за различные сделки? Может быть, удастся пожить?.. Если еще и треть от сделок, как от судебного налога...

– Разогнался, – сказал Беннет. – Может, хочешь не работать, а только деньги собирать?

Аустин широко ухмыльнулся.

– Хочу.

Беннет сказал задумчиво:

– Пусть Хильд пороется в законах... Шерифам разрешено вламываться к лордам не только для изъятия захваченного скота, но также во всех случаях, если лорд или его подручный хотя бы один раз не выполнили королевский приказ.

– Тогда не в законах, – поправил Хильд, – а можно даже спрашивать крестьян. К лорду вряд ли сумеем придрататься, а вот к его подручным... Точно не выполняли какие-нибудь указы!

Гай поинтересовался хмуро:

– И что? Придем к ним и скажем, вы оштрафованы, что в прошлом месяце сделали то-то и то-то?

Беннет чуть смутился.

– Это тоже неплохо, нам деньги нужны, не говоря уже о королевском налоге... но я имел в виду, что нарушители обычно сговорчивее. Только надо знать про их нарушения и помахать ими перед толстой мордой.

Разбойники наводнили страну, но, как понял из рассказов Гай, в графстве Ноттингем они вообще кишмя кишат, как черви в навозной куче. Самое излюбленное их место – Шервудский лес. Там та часть бесконечного леса, покрывающего всю Англию, что удачно или неудачно расположилась как раз посредине между наиболее населенными и ведущими активную торговлю графствами, к тому же в этих графствах возведены замки, контролирующие эти дороги, и дело уже не в торговле, а в сторожевых функциях: успеть вовремя заметить и защитить административный юг страны с его Лондоном, Дувром и прямым выходом через Ла-Манш во Францию.

Но разбойники, о которых так громко и настойчиво говорил принц Джон, не самое большое зло, как понял Гай, еще когда слушал принца. Тот не может многое сказать прямо, слишком уж зависит от поддержки крупных лордов, да и все еще не главный он в королевстве, Ричард больше доверяет канцлеру Лонгчампу, но все-таки принц многое дал понять взглядом, мимикой, жестами или интонацией, Гай даже не понял чем, однако в нем росла уверенность, что речь шла именно о баронах графства. О баронах-разбойниках, так их издавна называли как в народе, так и при королевских дворах.

Понятно, что даже верные королю бароны стремятся к большей власти и самостоятельности в своих владениях, к тому же многие побывали во Франции и видели, там лорды полные хозяева в своих землях, а вассалы присягают им, а не королю, потому лорд может пойти войной на короля, и вассалы пойдут под его знаменем, потому что король для них никто, а их сюзерен – все!

Но кроме таких баронов появляется еще и множество хозяйств, что никогда не приносили присягу королю, такие новоиспеченные лорды на удивление быстро выстраивают могучие и неприступные замки, начинают собирать дань с окрестных земель, расширяют свои владения и нападают на соседей.

Когда жалобы добираются до королевского двора, там обычно беспомощно разводят руками: армия занята во Франции, а то и вовсе в далекой Палестине, свободных войск нет,

Ричард увел всех-всех, а на королевский указ прекратить разбой такой лорд смачно плюет с высоких ворот.

Предыдущий король, Генрих II, вел более мудрую политику, Англией занимался тоже, такие незаконные замки велел разрушать и срывать до основания, как опасные гнезда, где снова может угнездиться разбой.

Гай исхудал и чувствовал, как постепенно его темная от поцелуев солнца кожа светлеет, превращая и его в белого червяка, как большинство живущих в этой стране.

Хильд, напротив, ухитрился поправиться, щеки округлились, дни и ночи проводил за книгами, переписывал в отдельную тетрадь названия деревень графства, города, замки, крепости и всех видных лордов.

– В Нортгемптоншире, – сообщил он гордо, – сокменов больше тысячи, а у нас в Ноттингемшире свыше полутора! Это не остальная Англия, где только вилланы да коттарины!.. У нас вообще нет вилланов, а только сокмены и фригольдеры.

Гай поморщился.

– А какая между ними разница?

Хильд пожал плечами.

– Да почти никакой. Разве что сокмены подают в ваш суд, а фригольдеры – в королевский. А так и те, и другие имеют земли акров по тридцать-сорок, у них свои печати...

– С ума сойти, – пробормотал Гай. – Печати у крестьян!

– А как иначе они могут заключать сделки, – возразил Хильд, – продавать землю, покупать, брать взнос? Ваша милость, забудьте про вилланов...

Гай отмахнулся.

– Перестань. Я и с вилланами обращался, как с равными. На войне мы все братья... Иначе смерть. Ладно, ты оставайся на хозяйстве с Беннетом и Аустинотом, а мне пора проехаться по графству...

– Не задерживайтесь, – сказал Хильд очень серьезно. – Боюсь, Беннет и Аустинот не смогут так же жестко.

– А надо?

Хильд вздохнул.

– Вы же видите, только так и получается.

Он наметил маршрут, чтобы охватить все основные населенные пункты, их надо проверить, есть ли там местная власть, а если нет, то назначить, и сказать то, что сказал Хильд: нужно действовать жестко, иначе эпидемию грабежей не остановить.

Первая же крупная деревня на его пути за счет отодвигающегося леса оказалась довольно просторной, каждый дом окружен садом, поля упираются в лесную опушку, где все деревья с подрубленной снизу корой, чтобы поскорее засохли, потом их спалят, и лес отодвинется еще на пару ярдов, освобождая место под поля.

Дома добротные, бревна на стены пошли толстые, массивные. Мало того, даже простые сараи, не говоря о конюшнях и амбарах, тоже из толстых стволов, а самое дивное – вдоль домов тротуар из досок, пусть и местами провалившийся, но все-таки можно пройти даже во время дождя, не пачкаясь.

Он ожидал увидеть и людей под стать домам, крепких и плечистых, но крестьяне повстречались худые, тощие, с запавшими и голодными глазами.

Рубахи болтаются, как на пугалах, он невольно подумал, что если их снять с них, то у каждого можно издали пересчитать ребра под натянутой на них кожей.

Он повелительно вскинул руку, крестьяне поспешно остановились, начали кланяться, торопливо срывая с голов шапки.

– Случилось что? – спросил он с тревогой. – Болезнь?.. Саранча?.. Неурожай?

Крестьяне угрюмо молчали, переглядывались, он видел смертную тоску в их глазах.

Один поклонился и сказал достаточно дерзко:

– Ваша милость, все верно, вы угадали! Саранча... Вот только говорить и записывать умеет.

Гай нахмурился.

– Не говори загадками.

Крестьянин ответил со злым смешком:

– Вашу милость дракон перенес из далекой сказочной страны, где не берут налоги? А если нечем отдать, то не забирают скот и зерно?

Гай покосился на добротные дома.

– Но раньше же налоги платили? Почему теперь не можете?

Крестьяне молчали, а смельчак хоть и хотел бы уже отступить, по нему видно, но Гай смотрел на него и спрашивал у него, он ответил нехотя:

– Ваша милость, тогда налог брали раз в году.

– А теперь?

– Теперь берут... когда возжелают. Уже четыре раза брали! Думаю, скоро еще приедут...

Гай стиснул челюсти, на языке вертелось злое, что и одного раза довольно, это какие-то мошенники явились под видом королевских сборщиков подати, потом вспомнил, что Ричарду для похода требовались огромные деньги, он продавал все что мог, увеличивал налоги, собирал их за три года вперед, а сейчас положение еще хуже: нужно собирать на выкуп его из плена, а другого пути нет, как выколачивать из и без того обнищавшего народа.

– Слушайте все, – заговорил он властно, – я ваш новый шериф графства. Я хочу, чтобы мы все жили богато и счастливо. Кто у вас бейлиф?

Они переглянулись, один из толпы пробормотал:

– Да у нас его отродясь не было...

А мужик, который отвечал насчет налогов, сказал все так же дерзко:

– Был коронер, да и тот ушел куда-то, когда ему пригрозили голову отрезать и утопить в выгребной яме!

– Ого, – сказал Гай. – Это кто же так осмеливается?

Мужик посмотрел на него, как на в самом деле упавшего в их земли из какой-нибудь далекой и непонятной Палестины.

– Разбойники, кто же еще!..

Гай подумал, кивнул.

– По вашей деревне видно, что вы – народ работающий, умелый, знающий вещам цену. Потому... тебя как зовут?

Мужик слегка оробел, но перед односельчанами тушеваться стыдно, ответил дерзко:

– Николас, сын Гильберта!

– Слушай меня внимательно, – сказал Гай, – Николас, сын Гильберта. С этой минуты ты – бейлиф. Ты обязан следить за порядком не только в селе, но и в окрестных деревнях. Сам назначишь коронеров и констеблей, ты знаешь, кто справится. Если понадобится моя помощь – обращайся! Я могу явиться не один, а с отрядом. Нужно переломить судьбу, а дальше снова станете богатыми и счастливыми!

В толпе кто-то ахнул, а Николас раскрыл рот и замер, глаза полезли на лоб, наконец проговорил:

– Я?... Бейлиф?..

– Ты, – подтвердил Гай. – Помни, от тебя зависит, будут эти люди чего-то бояться или же скажут, что у них лучший в мире бейлиф, с ним ничего не страшно.

– Но я...

– Сможешь, – оборвал Гай. – Я тоже не родился шерифом. Понимаешь, Англия на краю гибели!.. Берись, берись жестко, полумерами ее уже не спасти.

Он вскинул руку в прощании и заторопился дальше, и так пронесся по всему графству, назначая бейлифов, коронеров и констеблей, устраивая суды присяжных, вешая разбойников и грабителей и напоминая всем грозно, что власть крепка, власть не спит и все видит!

Вернулся только через две недели, издали увидел свой замок. Сердце тукнуло радостно, даже удивился, неужели не привыкло, что у него нет дома, потом заметил, что замок помолодел и преобразается на глазах. Плотники начали с крыши еще до его отъезда, топоры стучали даже ночью при свете факелов, а сейчас вставляют окна, возвели настоящую конюшню, к стене прибили длинную доску с крюками для коновязи, но самое главное, что везде уже навесили двери!

Беннет и Аустин свои комнаты успели оборудовать по-королевски, даже гобелены ухитрились повесить, где только и взяли, только Хильд остался в комнатухе с голыми стенами, но ему так и положено, должен привыкать к смирению плоти и запросов.

В замке появились двое слуг, Беннет нанял, и когда Гай вступил в главный зал, все равно громадный, хоть в нем появился длинный стол с двумя лавками по обе стороны, в исполинском камине жарко полыхают целые бревна, а вдоль стен уже поставили по два напольных подсвечника, каждый на десяток свечей.

Он на ходу провел ладонью по столешнице, поструганная, и то хорошо, а так вообще-то настолько сколочены грубо, словно в Англии нет столяров, а только плотники.

Под подошвами приятно шуршат сухие листья камыша, здесь так принято, в то время как в Кардифе пол обычно щедро усыпают свежей соломой.

Хильд шел следом, довольный и гордый, словно это все он сам сделал, лицо сияет, как полная луна в безоблачную ночь, а глаза горят, как звезды.

– Как постарались?

– Глазам своим не верю, – ответил он. – Да с такими работниками быстро соберем выкуп для Ричарда!

Хильд сразу посерьезнел, сказал быстро:

– Только им такого не говорите!

– Почему?

– Хоть простой народ и обожает Ричарда, но тему выкупа лучше обходить стороной...

Итак, пир по случаю возвращения?

Гай изумился:

– А что, есть чем пировать?

– Да люди собрали... немножко. О вас все говорят с надеждой, ваша милость.

Гай счастливо развел руками.

– Даже не знаю, что сказать... Хорошо, только малость умоюсь с дороги.

Глава 13

Он умылся, переоделся и сам покормил коня, а когда перешагнул порог главного зала, охнул от обилия народу. Правда, столы заставлены едой не слишком густо, народ беден, однако чувствуется, что принесли если и не последнее, то лучшее, что было.

Он медленно прошел к столу на небольшом помосте, там три стула, все пока пустые, повернулся к собравшимся.

Хильд, Беннет и Аустин, Скальгрим и Сван, еще несколько человек, которых знает в лицо или по именам, остальные все незнакомые, но смотрят на него с надеждой.

– Друзья, – проговорил он и ощутил в горле ком, – теперь я знаю точно, что сделаю все... если надо, то и жизнь отдам!.. но буду защищать вас до последней капли крови...

Он не успел закончить, дверь в зал распахнулась, на пороге появился молодой крестьянин с залитым кровью лицом. Он пошатнулся и ухватился за косяк.

Из-за столов крестьяне выскакивали с криками, подбежали, кто-то поддержал, кто-то начал вытирать рукавом кровь с лица.

Он прокричал быстро:

– Ваша милость! Люди графа Ингольфа... они напали на нас... Джона побили, Фриура бросили в реку, а скот наш угнали!

Гай вскинул руку, останавливая бурный поток слов.

– Давай сначала. Почему напали? Где напали? Что вы делали в это время?

Крестьянин всхлипнул, размазывая слезы, глаза его с великой надеждой смотрели на грозного шерифа.

– Ваша милость, мы пасли коров, как всегда, на берегу реки, там лучший из лугов с такой травой... И вдруг с той стороны примчались всадники, это графский сын, с ним еще пятеро, покричали что-то нам, но мы не расслышали, потом они ускакали вниз, там река разливается и можно перейти по мелкому, мы ж не думали, что переправятся на нашу сторону и нападут!.. Джона побили, Фриура бросили в реку...

– Это понял, – прервал Гай. – А что со скотом?

– Они смеялись, потом один предложил угнать добычу в замок, так как мы сарацины, у нас добычу отнимать можно и нужно. Остальным понравилось, долго хохотали и вот угнали все стадо!.. Ваша милость, что мы скажем в селе?

Гай пробормотал отстраненно:

– Да так и скажите, врать нехорошо. Иначе запутаетесь... Беннет!

Беннет поднялся из-за стола, собранный и злой, как еж, увидевший лису.

– Ваша милость?

– Бери Аустина, – распорядился Гай. – Опоясайся мечом и не забудь лук.

– Поедем к графу?

– Да, – ответил Гай кратко. – Пора познакомиться.

Хильд со вздохом отодвинул кубок с вином.

– Ну вот и попиروвали...

Кони бодро проскочили небольшой лес, Беннет чертыхнулся, хотя наверняка уже видел замок графа Ингольфа, а Гай ощутил, как в желудке появился тяжелый ком.

Замок огромен и высок, куб из серого камня в пять этажей, полубашни выступают из стен, а на всех четырех углах настоящие башни, где на крышах гордо трепещут флаги с гербами хозяев. Сам замок на скалистом основании, а внизу окружен толстой стеной, камня не пожалели.

Беннет покачал головой, на лице проступило сдержанное восхищение.

– Трудно поверить, что до появления норманнов здесь такой красоты не бывало!.. Такую крепость не взять и королевской армии! Когда и построить успели...

Гай сказал мрачно:

– Во Франции такие лорды часто отказываются признавать короля. У них свои армии, свои вассалы.

Беннет спросил с недоверием:

– А что... у них получается?

Гай кивнул.

– Наш король Вильгельм, насмотревшись на такое во Франции, поступил мудро, заставив всех жителей Англии принести присягу лично ему. Здесь у этого лорда, каким бы богатым и могущественным ни был, нет своих вассалов, что были бы подчинены только ему и не признавали никакого короля. У нас королю подчинено все!.. А раз так, то если воспротивится мне, то это неподчинение самому королю. И хотя мы вроде бы совсем мошки... но мы сейчас не сами по себе, понял? Мы – королевская власть!

Голос его звучал твердо и уверенно, по крайней мере Гай старался, чтобы так выглядело, однако Беннет поскреб в затылке и проговорил упавшим голосом:

– Оно, конечно, так... но Лондон далеко, а граф и мы... здесь.

Гай покосился на молчаливого Аустина, тот едет мрачный и неподвижный, лицо каменное, но Гай ощутил сильнейшую неуверенность второго помощника шерифа.

Гай тронул коня, направляя к воротам, но Беннет сказал быстро:

– Ваша милость, минутку...

– Что?

– Сейчас-сейчас...

Он вытащил из сумки короткий рог, простой и ничем не украшенный, даже с трещинкой, но когда поднес к губам и дунул, звук разнесся оглушающе громкий, да еще благодаря трещинке зловеще гнусавый, таким обычно слышится голос из-под уже опущенного шлема.

– Да у тебя сам Олифант! – восхитился Гай.

– Это что?

– Рог самого Роланда, – пояснил Гай.

– Что за Роланд? – спросил Беннет с подозрением. – Это мой, не брал я ни у какого Роланда!

Над воротами появился человек, потом еще один. Всмотрелись, позвали третьего, тот крикнул:

– Кто такие?

– Гай Гисборн, – ответил Гай. – Королевский шериф.

– И что?

Гай ответил громко, сдерживая гнев:

– А то, что имею право заходить куда захочу и когда захочу! Если не откроете мне ворота сейчас же, вернусь с королевской армией, и вас всех повесят как мятежников. Это понятно?

С ворот ответили угрюмо:

– Так бы и сказали...

Гай ожидал, что отворят калитку в привратной башне, однако напуганные грозной речью, за которой вообще-то ничего не стоит, не станет же в самом деле принц Джон присылать армию... да и армии вообще-то нет, всех увел с собой король Ричард Львиное Сердце, ему открыли массивные ворота, и он въехал на коне, велел Беннету и Аустину ждать снаружи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.